

Научная статья

DOI: 10.17748/2219-6048-2023-15-4-18-66

УДК:94

**ФЕНОМЕН МЕНТАЛЬНОСТИ РУССКОГО СОЦИУМА
ПО ДОКУМЕНТАМ ИНФОРМАЦИОННОГО ОТДЕЛА ВЧК-ОГПУ¹.
1920-е – начало 1930-х годов**

БУГАЙ Николай Федорович

Институт российской истории РАН

г. Москва, Россия

ORCID 1D; <http://orcid.org/0000-0002-8363-1638>

nikolay401@yandex.ru

БУШУЕВА Татьяна Семеновна

Институт национальной памяти

г. Москва, Россия

ORCID id: <https://orcid.org/0000-0002-7298-768X>

t_bush@mail.ru

Аннотация. Советский социум в своей массе был представлен преимущественно русской общностью, выступавшей основной силой в утверждавшемся новом государстве, самым многочисленным созидующим, производительным ресурсом. В статье, не претендующей на всестороннее освещение столь объемной научной темы, рассматривается лишь только один актуальный вопрос – об отражении некоторых характерных особенностей формирования в разных, включая и чрезвычайные (в частности, принудительное переселение), условиях ментальности русского социума. В этой связи вызывает интерес вопрос, каким образом воспринималась эта проблема обществом, отражалась в документах информационных

¹ ВЧК – Двадцатого декабря 1917 г. была создана Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем .

ОГПУ – Объединенное Государственное Политическое Управление при СНК СССР (1923-1934)

структур государственных спецслужб в 1920-е – начале 1930-х годов.

Актуальность определяется рядом существенных факторов, прежде всего необходимостью объективного достоверного освещения и оценки исторического опыта России. Анализ тенденций развития страны в 1920–1930-е годы наглядно продемонстрировал пагубность тотального контроля и полного огосударствления для стабильного развития хозяйства страны.

Ключевые слова: русский народ, ментальность, спецслужбы, советское общество, социум, монархия, рабочие, крестьянство, царь

Для цитирования: Бугай Н.Ф., Бушуева Т.С. Феномен ментальности русского социума по документам информационного отдела ВЧК-ОГПУ. 1920-е – начало 1930-х годов // Историческая и социально-образовательная мысль. 2023. Том 15. № 4. С. 18-66

DOI: 10.17748/2219-6048-2023-15-4-18-66

Original article

THE PHENOMENON OF RUSSIAN SOCIETY MENTALITY ACCORDING TO THE DOCUMENTS OF THE INFORMATION DEPARTMENT OF THE VChK-OGPU¹. 1920s – early 1930s

Nikolay F. BUGAI

Institute of Russian History RAS
Moscow, Russia

ORCID 1D; <http://orcid.org/0000-0002-8363-1638>
nikolay401@yandex.ru|

Tatyana S. BUSHUEVA

Institute of National Remembrance
Moscow, Russia

ORCID id: <https://orcid.org/0000-0002-7298-768X>
t_bush@mail.ru

¹ VChK - The All-Russian Extraordinary Commission for Combating Counterrevolution and Sabotage was established on the twentieth of December 1917

OGPU - United State Political Department under the USSR Council of People's Commissars (1923-1934).

Abstract. The Soviet society in its mass was represented mainly by the Russian community, which was the main force in the newly established state, the most numerous creative resource of the productive force. The article, which does not pretend to comprehensive coverage of such a voluminous scientific topic, considers only one topical issue – the reflection of some characteristic features of the formation in different, including emergency, in particular forced resettlement, conditions of the mentality of the Russian society. In this regard, the question of how this problem was perceived by society, reflected in the documents of the information structures of state intelligence services in the 1920s and early 1930s, is of interest.

Relevance. It is determined by a number of significant factors, primarily by the need for objective, reliable coverage and assessment of Russia's historical experience. An analysis of the country's development trends in the 1920s–1930s clearly demonstrated the perniciousness of total control and complete nationalization for the stable development of the country's economy.

Keywords: Russian people, mentality, special services, Soviet society, society, monarchy, workers, peasantry, tsar

For citation: Bugai N.F., Bushueva T.S. The phenomenon of the russian society mentality according to the documents of the information department of the VChK-OGPU. 1920s - early 1930s. Historical and Social-Educational Idea. 2023. Vol. 15, No. 3. P. 18-66 (In Russ.).

DOI: 10.17748/2219-6048-2023-15-4-18-66

Советские люди Советской страны

Советские люди. Сотрудники НКВД

Введение. Русские как этническая общность формировались в сложной социально-культурной и природной среде. Подлинная история России с выстраданными ее народами историческими уроками чрезвычайно поучительна. Дело в том, что в условиях современных мировых цивилизационных вызовов остро требуется объективное историческое знание. Оно весьма полезно, в первую очередь для государственных структур при реализации политики национальной памяти как важнейшей составляющей духовного бытия русского народа. Русский народ, несмотря на тяжелейшие лишения, тысячелетиями жертвовал жизнями, создавая государство и организуя в нем жизнь. В своей повседневности русские противостояли демагогам от власти, преодолевали смуты, распри, разного рода притязания, теряя из своей среды значительную часть трудоспособных людей и исконной территории.

Не случайно и то, что русские обладают высоким уровнем этнической мобильности, адаптации и интеграции в местах, отличавшихся суровыми климатическими условиями, различными климатическими зонами обитания, в том числе и формируемыми чрезвычайной обстановкой, атмосферными явлениями (шторма, цунами), техногенными и природными катастрофами. Они проживают и трудятся в обстановке суровых зим и в жарком климатическом поясе.

Словом, они долгие века формировали и менталитет русского народа, и необходимые для их жизни черты характера: патриотизм (приоритетный принцип жизни, основа поступков русского человека, его поведения, отношения к

своей Родине, семье), доверие, выносливость, способность преодоления времени и пространства – самых сложных факторов жизни любого сообщества, при этом общаясь с природой, ландшафтом, географическим пространством. Их силами происходит процесс познания окружающей действительности, проникновение в космическое пространство, осознание прошлого, истории человечества, то есть все то, что выступает в качестве понятия «общественно-географический синтез», к которому обращались ученые еще в древности, как, например, историк, социолог И. Халдун (1332–1406, Тунис), оставивший в наследие человечеству свое учение (теорию) климата и умраны (общества, города), нашедшее отражение в его бессмертном труде «Муккадим». Ему принадлежит и прогноз развития народов. Русские в этой теории как этническая общность заняли свое достойное место [3].

Современное тяжелейшее состояние русского социума, особенно с точки зрения его затухающей численности, слабеющей харизматичности, – это в значительной степени результат не только 1990-х годов, но и советского этапа русской истории с революциями и войнами [4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12].

Метод

Значительная насыщенность источника фактическими сведениями, полученными практически из всех населенных пунктов СССР, различных предприятий, обусловили приоритет применения в статье контент-анализа в сочетании с системным и сравнительным методами, а также принципами консенсуса, сбалансированности подачи материала, консоциальности и других. В связи с тем, что проблема многогранна по своей направленности и содержанию, вполне применимым был и метод констелляции, позволяющий рассматривать вопросы по многим направлениям, но все они в конечном итоге направлены на главное – отразить роль и место русских в многонациональном государстве.

Историографический компонент

Авторы не впервые обращаются к документам ВЧК-ГПУ-ОГПУ, многолетняя работа с которыми доказывает высокую степень объективности, запечатленной в аналитических обзорах и сводках информации. С точки зрения права сам эксперимент по получению информации, практически не имевшей границ, безусловно, еще нуждается в серьезном исследовании.

В этом ракурсе можно дискутировать с зарубежными авторами. Так, французской исследователь истории XX в. Жан-Поль Депретто задавался вопросом: «Читались ли Сталиным и его окружением эти документы? Если они читались, усилили ли они у советских вождей впечатление, что Советский Союз ослаблен и подвергается угрозе? ... Не стремилось ли ОГПУ преувеличивать опасность,

нависшую над большевистской властью, с тем чтобы оправдывать само свое существование и отпускаемые ему денежные средства?»).

Английский историк Р.Ч. Кобб предупреждал: «Всемогущая полиция способна изготовлять выгодную ей информацию и даже самые факты» [1].

Профессор Калифорнийского университета П. Гетти, напротив, отмечает, что анализ этих документов предполагает использование такой разнообразной методологии, как количественный анализ, политическая лингвистика, литературный анализ и другое.

Академик РАН Г.Н. Севостьянов, стоявший у истоков проектов по публикации источников спецслужб, определял поистине энциклопедический характер этой информации, отражавшей положение всех слоев общества.

В зарубежной историографии немало утверждений о том, что советская система была обречена с самого начала в связи с ее плановым социализмом и отсутствием рынка. Вместе с тем американский историк Пол Грегори, специалист в области экономической истории России, неоднократно отмечал, что «советская командная система до сих пор остается наиболее сложной структурой, когда-либо созданной человечеством».

В советский период 1920-х – начала 1930-х годов мощный поток официальной пропаганды активно формировал в сознании главным образом молодых людей убеждение, что они являются первыми строителями самого справедливого общества, ради чего можно вытерпеть и голод, и нищету.

Надежды и оптимизм имели под собой реальную основу, так как за короткий исторический период страна ценой самоотверженного труда и лишений миллионов русских людей и представителей других этнических общностей превращалась в индустриальную державу с осязаемой системой экономики. Населению страны открылся широкий доступ к образованию, медицине, культуре, более совершенной социальной политике. Все это не могло не содействовать поддержанию авторитета власти в глазах советских граждан. Вместе с тем людям было очевидно и противоречие с такими реалиями жизни, как голод, «нехватки», принудительное выселение крестьянства, разного рода репрессии, преследование за религиозные верования.

Конституция СССР 1924 года «лукаво» объявляла, что в стране превалирует господство такого социального фактора, как «взаимное доверие»: «Там, в лагере капитализма – национальная вражда и неравенство, колониальное рабство и шовинизм, национальное угнетение и погромы, империалистические зверства и войны. Здесь же, в лагере социализма — взаимное доверие и мир, национальная свобода и равенство, гражданское согласие, мирное сожительство и братское сотрудничество народов, объединенных в одно государство. Только в сформированной системе советов, в условиях диктатуры пролетариата, сплотившей вокруг себя большинство граждан страны, оказалось возможным уничтожить в корне

национальный гнет, создать обстановку взаимного доверия и заложить основы братского сотрудничества народов».

Основу советского социума, как по своей численности, так и по масштабам территории проживания, составлял русский народ. Именно на его плечи легла основная ноша по строительству нового советского государства. Задача могла быть успешно решена главным образом при наличии политической лояльности русского социума по отношению к новой политической власти и ее руководителям. Однако ментальность *немалой части всего социума, и в первую очередь русских*, в силу различных причин и обстоятельств подчас приобретала антисоветскую направленность во взглядах и поведенческих стереотипах. Информационные органы спецслужб – ВЧК-ГПУ-ОГПУ – в силу специфики этого ведомства обязаны были сообщать органам власти обо всех замеченных проявлениях нелояльности в обществе в отношении советского строя, государственных органов и политического руководства. Под контролем чекистов оказывалась и русская часть социума.

В сохранившихся аналитических обзорах и регулярных сводках, материалы для которых уполномоченные ВЧК-ОГПУ направляли из всех концов страны в Центр, отражены и особенности ментальности русских людей. Естественно, что «наблюдатели» чрезвычайных комиссий обращали внимание *преимущественно на негативные*, с их точки зрения, *проявления* настроений русского населения. Поэтому этот вид источника диссонирует с исключительно позитивными данными официальной печати и пропаганды в рассматриваемый исторический период. Этот корпус документов спецслужб вне сомнения можно считать достоверным источником. В первую очередь имеют ценность их масштабность сбора информации и фактическая насыщенность.

Следует также учитывать факт сохранявшейся вплоть до начала XXI столетия ведомством КГБ-ФСБ высокой степени засекреченности этих аналитических обзоров и сводок ОГПУ, отражающих достаточно объективно политическое, экономическое, социальное положение в СССР. Именно эта информация регулярно докладывалась как непосредственно И. Сталину, так и высшему партийному руководству. За искажение информации «Лубянка» наказывала своих сотрудников.

Контент-анализ названных документов подтверждает значительность объема проделанной спецслужбами «наблюдательной» работы. Так, только за 1922–1923 гг. Информационный отдел (ИНФО) ОГПУ осуществил «контроль и наблюдения» на 1100 экономических объектах (среди них 537 заводов, 271 фабрика, 5 комбинатов, 12 мануфактур, 81 трест, 41 рудник, 16 электростанций, 12 шахт и др.), представив в Центр подробные сведения об экономическом, социальном, политическом положении предприятий, а также о степени лояльности к советской власти работавших там людей. В 1925 г. ОГПУ собрало сведения по 1050 объектам народного хозяйства; а в 1929 г. такая же информация была собрана по 2300 административным единицам СССР в 9 союзных и 11 автономных

республиках (по 220 округам, 16 губерниям, 38 уездам, 52 волостям, 532 районам, 155 городам, 537 селам, 161 деревне, 47 поселкам и др.).

Проведенный выборочный анализ рассматриваемых источников лишь за один 1929 г. свидетельствует, что в органы власти информаторы «Лубянки» в том году представили сведения из 2300 различных административных единиц, находившихся в их поле зрения, в том числе по 9 союзным республикам, 11 автономным, 9 крупным административным единицам, 26 областям, 220 округам, 16 губерниям, 537 селам, 532 районам, множеству станиц, хуторов, сел, деревень, поселков, слобод.

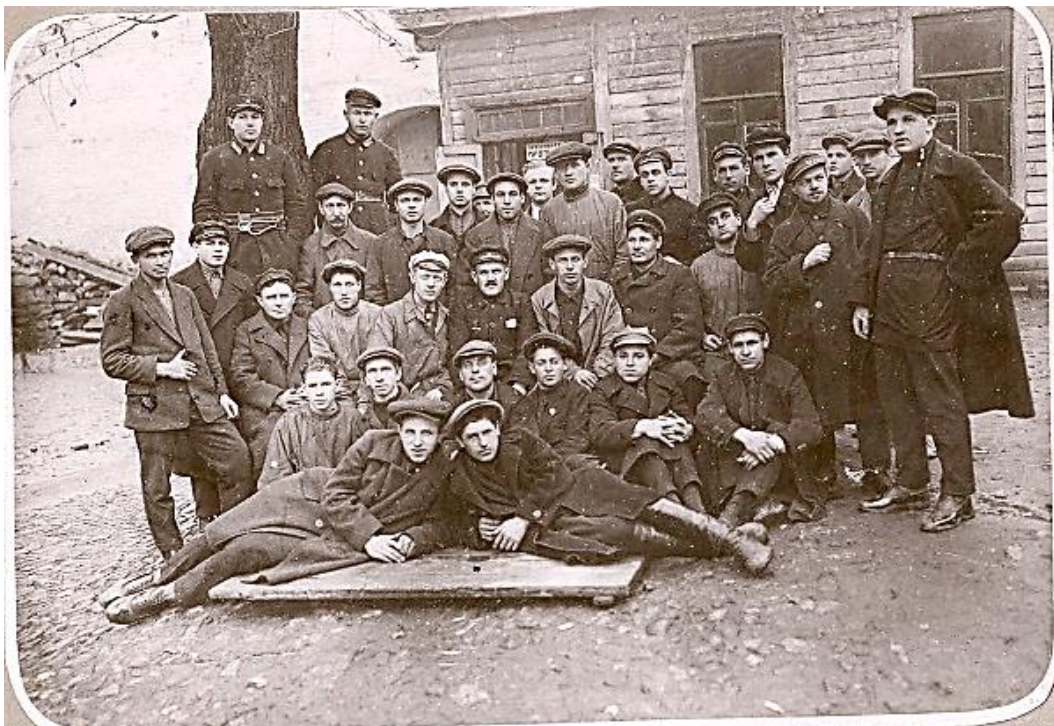
Анализ документации показывает, что в основе чекистских донесений лежал прежде всего принцип классовой принадлежности в отношении населения – преимущественно сообщалось о положении рабочих и крестьян. Национальная принадлежность русского социума, на котором лежала основная тяжесть по созданию новой государственности, в документах не всегда акцентировалась. Более того, в чекистских донесениях его «растворяли» в новом общем «советском». Хотя вполне очевидно, что основную ношу созидания советского государства тянули русские люди.

* * *

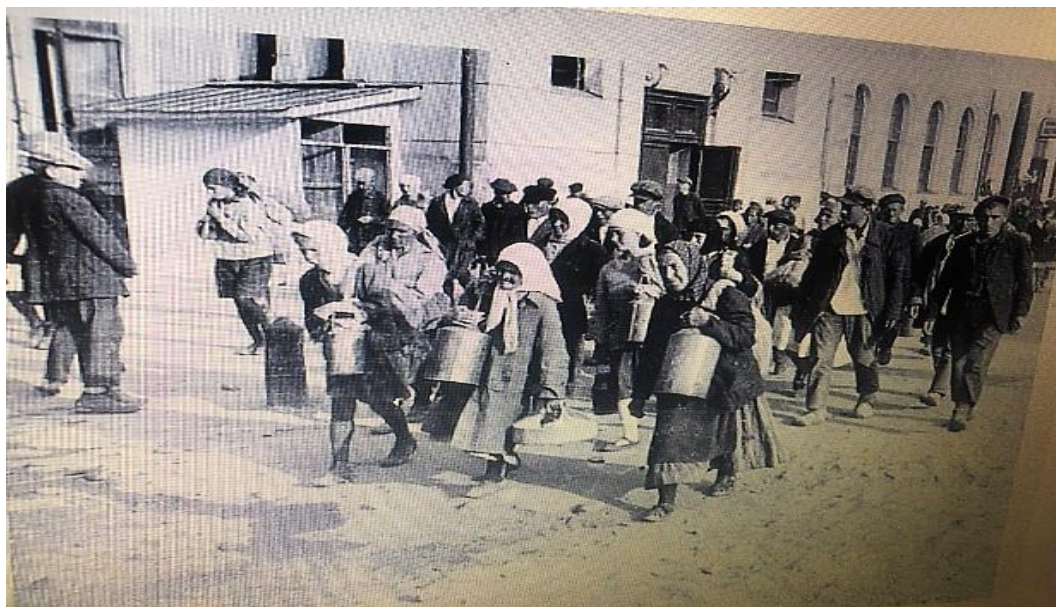
Русские составляли абсолютное большинство населения и в европейской, и в азиатской части самой большой республики СССР – Российской Федерации.

1920-е годы. Рабочие Советской страны

Рабочие фабрики № 3. Москва

1930 г. Советские крестьяне: утренний поезд пришел в Москву

Положение, настроения, трудовая деятельность, лояльность русского населения ведомство ОГПУ логично отслеживало прежде всего на территориях его преимущественного проживания. При наличии различных справочных сведений об административно-территориальном устройстве РСФСР, в публикуемой статье приводятся данные, опирающиеся на перепись населения. Они подготовлены статистическим отделом ОГПУ (позднее НКВД СССР), созданным в 1923 году.

Спустя 10-летие после Октябрьской революции (на 1927 г.), согласно этой ведомственной статистике, русское население составляло большинство в РСФСР. Федерация как по величине территории, так и по количеству населения имела преобладающее значение в составе СССР¹, В Союзе ССР именно 9/10 территории и 70 % населения приходилось на Российскую Федерацию. Плотность населения в РСФСР была очень низка. Это объяснялось прежде всего наличием громадных размеров мало заселенных территорий, особенно Сибирь и Север Европейской части. По приводимым статистиками ОГПУ данным РСФСР можно было сравнить с Украинской ССР, занимавшей хотя и незначительную по сравнению с РСФСР территорию, но насчитывавшую в себе около 20% всего населения Союза: отсюда и очень высокая плотность населения УССР, заметно превышавшая плотность остальных союзных республик.

На начало января 1927 г. статистическим отделом ОГПУ приведены следующие данные по национальному составу населения РСФСР: русские (великорусы) – 73,5% (составлявшие абсолютное большинство населения и в европейской и в азиатской части государства); украинцы – 7,8%, казаки (казахи) – 3, 82%, татары – 2,83%; мордва – 1,32%; чувашаи – 1,11%; немцы – 0,80%, башкиры – 0,71%, киргизы – 0,67%, белорусы – 0,63%, западные евреи – 0,56%, вотяки – 0,50%, горцы Дагестана – 0,49%, мари – 0,42%, узбеки – 0,32%, чеченцы — 0,32%, карелы – 0,24%, мещеряки – 0,22%, буряты– 0,21%, коми – 0,22%, поляки – 0,20%, армяне – 0,19%, осетины – 0,15%, пермяки – 0, 15%, кабардинцы – 0,14%, калмыки – 0,13%, каракалпаки – 0,12%, прочие – 1,99%.

Статистики ОГПУ воспроизводили следующие данные об административно-территориальном делении Российской Федерации, а именно ее Европейской и Азиатской частям.

Европейская часть РСФСР включала 38 губерний: *Архангельская* (6 уездов и 41 волость площадью 438119 кв. км с населением 419 878 человек: сельского – 324 968, городского — 94 910); *Астраханская* (14 районов площадью 32 402 кв. км с населением 507 584 человек: сельского – 305 039, городского – 202 545); *Брянская* (8 уездов, 55 волостей площадью 41 570 кв. км с населением 1 999 230, сельского – 1 713 060, городского – 286 170); *Владимирская* (7 уездов, 72 волости площадью 31 952 кв. км с населением 1 318 965: сельского – 1 057 541, городского – 261 424); *Вологодская* (5 уездов, 90 волостей площадью 115 890 кв. км, с населением 1 052 645: сельского – 960 620, городского – 92 025); *Воронежская* (9 уездов, 91 волость площадью 66 831 кв. км, с населением 3 300 739: сельского – 3 037 111, городского – 263 628); *Вятская* (9 уездов, 83 волости площадью

¹ По данным переписи 1926 г. на 1 января 1927 г. территория и население Союза ССР представляли следующую картину. *Площадь СССР* (в кв. км) составляла 21 353 101, в том числе *РСФСР* — 19 787 577, *Украинская ССР*— 451 767, *Белорусская ССР*— 126 792, *Закавказская СФСР*— 185 776, *Узбекская ССР* — 309 973, *Туркменская ССР* — 491 216.

105 539 кв. км с населением 2 220 545: сельского – 2 083 043, городского – 137 502); *Иваново-Вознесенская* (10 уездов, 62 волости площадью 33 396 кв. км, с населением 1 192 922: сельского – 849 272, городского – 343 650); *Калужская* (10 уездов, 64 волости площадью 26 000 кв. км с населением 1 148 269: сельского – 1 042 583, городского – 105 686); *Костромская* (7 уездов, 60 волостей площадью 33 669 кв. км с населением 810 780: сельского – 695 902, городского – 114 878); *Курская* (7 уездов, 79 волостей площадью 43 652 кв. км с населением 2 907 139: сельского 2 639 235, городского – 267 904; *Ленинградская*¹ (8 уездов, 95 волостей, а также город Кронштадт площадью 66 315 кв. км, с населением 2 719 343: городского – 1 803 596, сельского – 915 747); *Московская* (17 уездов, 194 волости, площадью 44 811 кв. км с населением 4 522 708: городского – 2 665 729, сельского – 1 856 979); *Мурманская* (9 волостей, площадью 137 459 кв. км с населением 21 558: сельского – 11 885, городского – 9 673); *Нижегородская* (15 уездов, 110 волостей, 4 района площадью 80 912 кв. км, с населением 2 735 334: сельского – 2 297 758, городского – 437 576; *Новгородская*² (6 уездов, 65 волостей площадью 52 056 кв. км с населением 1 045 648: сельского – 906 819, городского – 138 829; *Оренбургская* (3 уезда, 33 волости площадью 60 370 кв. км, с населением 651 034: сельского – 504 669, городского – 146 365; *Орловская* (7 уездов, 72 волости площадью в 30 635 кв. км с населением 1 879 578: сельского – 1 694 328, городского – 185 250); *Пензенская* (8 уездов, 68 волостей площадью 46 249 кв. км с населением 2 208 918: сельского – 2 004 095, городского – 204 823); *Псковская* (11 уездов, 67 волостей площадью 57 716 кв. км с населением 1 777 702; сельского – 1 628 779, городского – 148 923); *Рязанская* (8 уездов, 64 волости площадью 47 616 с населением 2 422 512: сельского – 2 230 228, городского – 192 284); *Самарская* (95 уездов, 118 волостей площадью 102855 кв. км с населением 2408990 : сельского – 2093570, городского – 315420); *Саратовская* (9 уездов, 106 волостей площадью 91 236 кв. км с населением 2 892 033: сельского – 2 455 494, городского – 436 539); *Северо-Двинская* (18 районов площадью 103 432 кв. км с населением 678 260: сельского – 640 702, городского – 37 558); *Смоленская* (10 уездов, 81 волость площадью 57 115 кв. км с населением 2 283 786: сельского – 2 078 079, городского – 205 707); *Сталинградская* (3 округа, 3 уезда, 75 волостей площадью 99 361 кв. км с населением 1 404 891: сельского – 1 146 473, городского – 256 418); *Тамбовская* (6 уездов, 92 волости площадью 47 686 кв. км с населением 2 729 923: сельского – 2 429 312, городского – 292 611); *Тверская* (9 уездов, 95 волостей площадью 63 184 кв. км с населением 2 234 549: сельского – 1 954 937, городского – 279 612); *Тульская* (41 район и Ефремовский уезд площадью 25 464 кв. км, с населением 1 498 468 : сельского – 1 286 059, городского –

¹ 18 июля 1927 г. Ленинградская губ. была упразднена.

² 18 июля 1927 г. Новгородская губ. была упразднена.

212 409); *Ульяновская* (4 уезда, 48 областей площадью 34 084 кв. км с населением 1 385 220: сельского – 1 221 536, городского – 163 684); *Череповецкая* (5 уездов, 63 волости площадью 62 837 кв. км с населением 734 988: сельского – 682 069, городского – 52 919); *Ярославская* (7 уездов, 76 волостей площадью 34 894 кв. км с населением 1 337 087: сельского – 1 077 971, городского – 259 116); а также Уральскую область (16 округов, 210 районов площадью 1 841 639 кв. км, с населением 6 786 022: сельского – 5 389 091, городского – 1 396 931); *Северо-Кавказский край* (13 округов, шесть автономных областей, 113 районов, города Владикавказ и Грозный. Площадь составляла 293 033 кв. км с населением 8 326 597: сельского – 6 690 119, городского – 1 636 478); *автономные области*: Адыгейская (Черкесская)¹, Вотская, Ингушетия, Кабардино-Балкарская², Карачаевская, Калмыцкая, Коми (зырян), Марийская, Северная Осетия, Чеченская *автономные республики*: Башкирская³, Дагестанская⁴, Карельская⁵, Крымская⁶, Немцев Поволжья⁷, Татарская⁸, Чувашская⁹.

На начало января 1927 г. **Азиатская часть РСФСР** включала: Сибирский край (19 округов, автономная область, 259 районов площадью 4 066 731 кв. км с населением 7 570 600: сельского – 6 783 800, городского – 786 800); Дальневосточный край (9 округов, 75 районов площадью 2 718 995 кв. км, с населением 1 624 345: сельского – 1 271 627, городского – 352 718); *Автономные области*: Каракалпакскую, Ойратскую, а также автономные республики: Бурят(о)-Монгольскую, Казакскую, Якутскую.

¹ Адыгейская (Черкесская) автономная область входила в Северо-Кавказский край.

² Кабардино-Балкарская объединенная автономная область входила в Северо-Кавказский край.

³ Башкирия являлась первой по времени образования и по численности населения автономной республикой в составе РСФСР. Площадь ее территории составляла 157 116 кв. км численность населения – 2 741 316 человек: сельского – 2 508 775, городского – 232 541.

⁴ Площадь республики составляла 54 212 кв. км численность населения – 786 834 сельского – 703 541, городского – 83 293.

⁵ Карельская АССР состояла из 7 уездов, 55 волостей, занимала территорию площадью в 143 340 кв. км с населением 267 672 сельского – 207 595, городского – 60 077.

⁶ Крымская АССР занимала площадь 25 310 кв. км с населением 701 671 человек: сельского – 382 839, городского 318 832

⁷ Площадь территории Немцев Поволжья автономной Советской Социалистической Республики составляла 26 753 кв. км с населением 517 089 человек: сельского – 498 068, городского – 73 021.

⁸ Республика охватывала территорию площадью в 68 622 кв. км с населением в 2 589 455 человек: сельского – 848 842, городского – 44 845

⁹ Чувашия состояла из 5 уездов, 54 волостей площадью 18 296 кв. км с населением 893 687 сельского – 848 842, городского - 44 845

* * *

После одного из собраний в московской губернии было предложено спеть: *«Укажи мне такую обитель, где бы русский мужик не стонал»*; в другом месте предлагалось *«вспоминить пугачевский бунт»*

Чрезвычайной интенсификации труда, предложенной народу руководством страны, сопутствовал крайне низкий уровень жизни ведущих социальных слоев общества: трехмиллионного рабочего класса и 110-ти млн крестьянства. В 1929 г. был принят первый пятилетний план развития народного хозяйства СССР. Он представлял из себя своеобразную программу «развернутого социалистического наступления». А 14-й Всероссийский съезд советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов в мае 1929 г. открыто заявил о претворении в жизнь лозунга советской власти – «догнать и перегнать передовые капиталистические страны».

В том же 1929 г, названным Сталиным «коренным переломом», Советский Союз (численность населения которого в тот год составляла 154,2 млн человек, в том числе в городах – 27,6; в сельских районах – 126,6 млн) полностью перешел на карточную систему снабжения и распределения продовольствия и товаров.

Сталин и его сторонники выступили за использование наиболее радикальных методов преобразования общества по социалистическому образцу, в их понимании. Однако часть социума воспринимала это в силу своего менталитета труженика по-своему: так, работница фабрики «Красный Перекоп» (Ярославль) в группе заявила: *«Заставляют соревноваться, уплотняться, а хлеба не дают, пятилетка загонит рабочих в могилу»*.

Особенности менталитета русских «людей труда» на заводах и фабриках – преимущественно русских выходцев из сельской местности (по сообщениям ОГПУ)

Русские люди составляли основную рабочую силу на предприятиях СССР. Главную тяжесть развернувшейся в стране индустриализации принял на себя русский народ. Сконцентрированный в документах ИНФО ОГПУ уникальный исторический материал дает возможность детально представить положение в новом советском обществе ведущей его силы – рабочих, детально проследить особенности менталитета людей труда, представить воочию, каково было отношение к ним со стороны новой власти.

Очевидно, что задача информаторов «Лубянки» сводилась прежде всего к тому, чтобы выявить *отрицательные моменты* (их было предостаточно в условиях ускоренной индустриализации) *в положении рабочих на заводах и фабриках,*

в их настроениях и поведении, которые могли содержать угрозу действующей власти. Особенность этого вида чекистского источника состоит в концентрации внимания на характеристику социума с точки зрения выявления проявлений неояльности на заводах, фабриках и безработных.

На первый план рабочими выдвигались экономические недовольства, выражавшиеся в забастовочных акциях. В своем тяжелом положении рабочие обвиняли государство, политику советской власти, партию, обосновывая это многообразными причинами:

- *низкий уровень зарплаты,*
- *неправильный подсчет размера жалования;*
- *неодинаковая зарплата для групп одинаковой квалификации на однородных предприятиях;*
- *снижение тарифных ставок;*
- *повышение норм выработки;*
- *переход на увеличенное число станков, недовольство низкими расценками;*
- *неоправданное повышение норм выработки, невыплата за сверхурочные работы;*
- *отсутствие «надбавки на дороговизну» из-за «бешено растущих хлебных цен»¹;*
- *необорудованность фабрик;*
- *значительное ухудшение материального положения рабочих, сохранение скверных жилищных условий, несмотря на повышение норм выработки;*
- *требования «убрать красного директора» либо кого-то из администрации за грубое обращение с рабочими и другими».*

В поведении рабочих надзирающие органы выявляли наиболее опасные с их точки зрения *политические проявления* (но в меньшей степени, нежели экономические) в ходе трудовой деятельности – недовольство руководством предприятий, партийными, комсомольскими и советскими органами власти, профсоюзами; распространение в рабочей среде получил призыв: *«выкатить красного директора на тачке».*

¹ Увеличить надбавку до 15% зарплаты требовали рабочие Ново-Ткацкой фабрики Глуховской мануфактуры Богородско-Щелковского треста, рабочие Песочинской фаянсовой фабрики, чугунолитейного завода в Брянской обл., Троицкой суконной фабрики Гомельской губернии, фабрики «Маяк», на предприятиях Пензенской, Иваново-Вознесенской губерний и др.; в 1928 г. кочегары Языковской суконной фабрики подали заявление о повышении им заработка на 30%, мотивируя свое заявление повышением цен на сельхозпродукты.

Рабочих возмущали бесхозяйственность, злоупотребления, грубость и невнимательность к их нуждам. Особо тягостное явление рассматриваемого периода – это безработица. Причины нарастания безработицы были обусловлены общим экономическим положением в стране; наплывом в города бедноты и батраков деревни; отсутствием спроса на рабочую силу; усилением недовольства среди рабочих. Практически к середине 1920-х годов безработица приобрела в СССР характер национального бедствия. Требования безработных, как правило, сводились к следующим: снять целый ряд ответственных работников биржи – коммунистов с работы ввиду существующего протекционизма;

- *«взяться за оружие и устроить вторую революцию»¹;*
- *«...скорей сорганизоваться и сбросить со своих плеч коммунистов, заявив им, что они править государством не годятся, а должны уйти к черту под лодку»²;*
- *«пора одуматься и взяться за новую буржуазию»,*
- *«сейчас рабочим нельзя говорить правду, так как арестуют»,*
- *«много терпели, а теперь осталось еще немного до освобождения рабочих и крестьян из-под ига коммунистов».*

Значительную часть безработных составляли демобилизованные красноармейцы. К началу 1930-х годов на биржах труда в СССР было зарегистрировано 1 млн 298 тыс. человек безработных³.

В 1925 г. информаторы «Лубянки» сообщали в органы власти следующее достаточно характерное высказывание одного из рабочих: *«Рабочие одни несут тяжесть разных налогов, сборов, удержаний и отчислений. Я согласен, что наша Республика бедна и нуждается в нашей поддержке, но почему непременно рабочий должен за все отдуваться, голодать. [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 175. Л. 2об]⁴ и терпеть, получая мизерную зарплату, наши же главки и ответственные работники живут себе припеваючи, и ни в чем не нуждаются».*

¹ Подобные выступления имели место среди уволенных рабочих с Анжеро-Судженских копей – «надо взяться снова за винтовку, чтобы завоевать другую власть».

² Все это говорилось среди безработных Татарской Республики.

³ Из них чернорабочие составляли 60%, люди интеллектуального труда – 18,2%, а лица индустриальной квалификации – всего 16,3%. В общем составе безработных – женщин было 43,6%, подростков – 14,8%. Причины нарастания безработицы были обусловлены общим экономическим положением в стране; наплывом в города бедноты и батраков.

⁴ 22.04.1922 г. в Приказе НКПС Ф. Держинского отмечалось: «В настоящее время АРА кормит 2 660 000 детей, 5 000 000 взрослых и 100 000 беженцев, а если мы сможем справиться с временными затруднениями в транспорте, то обещает увеличить эту помощь» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 175. Л. 2об.).

Подчас рабочие обращались к фактам недавнего прошлого, к революции, Гражданской войне, когда они боролись за улучшение жизни. Так, среди костромских текстильщиков высказывалось мнение: *«Надо, видно, делать опять революцию», «за границей рабочие живут лучше, чем в СССР», «у нас нет Советской власти — осталось лишь одно ее название».*

Другой член партии, выступая на собрании, говорил: *«Как бы у нас не свалилась революция из-за плохого и невнимательного отношения со стороны главков и ответственных работников к интересам рабочих и крестьян».* [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 175]. Иногда эти заявления приобретали резкий характер, отражая негативное отношение к партии, ее лидерам: *«Все верхи, как Ленин, Троцкий и другие, жили и живут царьками, как и раньше..., а ответственные советские работники заняли мягкие кресла, получают большие ставки и ничего не делают»* [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 175.Л. 197,198].

На Родниковской фабрике (Шуйский округ) один рабочий в группе заявил: *«К черту советскую власть, наши администраторы через шкурников-коммунистов проводят рационализацию и дают нашего брата. Работаем одной рванью, станки уделывать нечем, а еще предлагают соревноваться и уплотняться. Вот мы все кучками обижаемся, а собраться вместе и нарушить все ихние договора не можем».*

Рабочие высказывали недовольство и требовали сократить раздутые штаты *фабкомов*, которые являлись платными. Рабочие требовали сократить до одного человека состав *фабкома*, а на Б. Кохомской мануфактуре в Иваново-Вознесенской губ. перевыборы *фабкома* проходили при криках: *«Долой фабком, он сидит на нашей шее».* Бастующие на Ново-Ткацкой фабрике Глуховской мануфактуры выдвинули требование убрать завком и директора, а также высказывали мысль, что *фабкомы* являются только лишним накладным расходом.

Достаточно распространенными были такие настроения, что *профсоюзы рабочему не нужны*, так как их работа ограничивается только взиманием членских взносов, а не защитой интересов рабочих. Главным образом недовольство рабочих профорганами было вызвано тем, что последние в большом числе случаев шли на поводу у администрации и совершенно не считались с интересами рабочих.

На текстильной фабрике «Красный труд» Вятской губ. на собрании по перевыборам *фабкома* рабочий говорил: *«Мы до кровавого пота наживаем государству казну, а сами работаем за хлеб и за воду, от недоедания бодем, фабком о нас не заботится, надо самим сплотиться и требовать увеличения зарплаты».* На Радищевской мануфактуре Иваново-Вознесенской губ. рабочие заявляли: *«Как только выбрали рабочего от станка, так он начинает получать большое жалование и забывает о тяжелом положении своих бывших товарищей».*

На Тейковской фабрике (Шуйский округ) ткачиха в группе работниц заявляла: *«Советская власть сейчас только издевается над рабочими, никакого улучшения не проводится, только одно хвастовство да вранье»*. На фабрике «Красный Профинтерн» (Владимирский округ) рабочий на конференции по вопросу о соцсоревновании высказал следующее: *«Соревноваться в настоящее время невозможно, так как рабочие умирают с голоду»*.

В Сибири снижение расценок вызывало множество конфликтов в каменно-угольных коях Анжеро-Судженского района, где при выдаче расценок на руки рабочие подняли скандал, бросили расценки обратно администрации, заявив при этом: *«У нас процветает эксплуатация, какой не было при царе, спецы готовы снять голову рабочему, а наши главки, профсоюзы ничего не понимают и только поддакивают им»*.

Политическое сознание масс росло, они пытались разобраться в экономической и социальной политике государства и партии. Услышанные и зафиксированные информаторами рабочие высказывания срочно и совершенно секретно докладывались «во власть».

Информаторы ОГПУ о настроениях русского крестьянства в связи с коллективизацией и массовыми выселениями

В рабочей среде можно было услышать следующие оценки: *«Вы сказали, что крестьянство – мелкая буржуазия, какая они буржуазия, если они днем и ночью обливаются потом, ходят в лаптях и кушают один ржаной хлеб»* (заявляли рабочие в школе ковочных инструментов при перевыборах, Московская губ.); *«Советская власть притесняет крестьян, что им живется хуже, чем в царское время»*; *«Раньше царское правительство последнюю шубу с крестьянина не снимало, а теперь это встречается, теперь берут с них и с нас, и хорошие шубы одевают»*, – констатировали рабочие на фабрике в Ярославской губернии.

Информаторы обращали внимание на проникновение в рабочие массы, так называемых *крестьянских настроений*. Большинство рабочих в первой трети XX в. являлось русскими выходцами из сельской местности, не порывавших связи с землей. Неизгладимая печать крестьянской общинной ментальности, традиций, привычек, уровня культуры и быта, отношения к труду лежала на облике рабочей сферы в рассматриваемые годы.

Нередко рабочие задавались вопросами: *«Почему власть не разрешает крестьянам, как и рабочим, организовывать свои союзы»*. Особенно резко выявились крестьянские настроения среди рабочих отдельных мелких предприятий на перевыборных собраниях в Моссовет, где говорилось *«о тяжелом положении крестьян»*, *«низких ценах на сельхозпродукты»* и т.д.

В с. Рубенках Александровской волости Судогодского уезда Владимирской губ. Кулак в своем выступлении на сходе: призывал *«Молодёжь, дальше стой от*

партии, крепись вокруг крестьянства и защищай его интересы». Он же выразил мысль о необходимости организации крестьянских союзов. Этот же кулак заявлял о том, что «...Калинин – это огородное чучело, которое для блезира поставлено, а настоящий защитник Троцкий от крестьян удален».

Что касается настроений русского крестьянства, в отношении особенно середнячества и бедноты, то, судя по донесениям ОГПУ, настроения были еще откровеннее и наполнены антисоветскими высказываниями. На Старо-Оскольском уездном съезде (*Курская губ.*) имело место выступление некоторых делегатов, заявлявших: *«Мужик работает, не разгибая спины, мужик платит налог, и мужик давится капустой, а комиссары едят котлеты. Комиссарам трудно понять мужиков, ибо они от них далеко отошли»*. Указывалось, что *«коммунисты не являются защитниками крестьянства и что нужны новые коммунисты»*.

Что касается деревни, то в рассматриваемый исторический отрезок времени чрезвычайно сильным стало ее разделение на три основные группы: 23% составляли середняки, 63% – маломощные крестьяне, зажиточная группа – 14% населения.

Настоящей трагедией для страны стал последовавший за индустриализацией и коллективизацией голод 1932 – 1933 гг., который держал в смертельных тисках густонаселенные территории Центрального Черноземья (Воронежскую, Курскую и Орловскую области), Средней и Нижней Волги, Северного Кавказа (Ростовскую обл., Кубань и Ставрополье), Юг Украины (включая Крым), Юг Урала, Северный Казахстан и Западную Сибирь.

В документах прошлых лет информация о голоде приравнивалась к статусу государственной тайны.

Крестьянство проявляло недовольство непомерными налогами, низкими ценами на хлеб, высокими – на промышленные товары, так называемые «ножницы цен». Вместе с тем, сталинская риторика рассматриваемых лет сводилась к констатации факта беспримерного в истории события: а именно того, что крестьянство, в том числе середняк повернулось к «социалистическому пути», в сторону колхозов. Частнособственнический инстинкт русского крестьянина, по мнению Сталина, был преодолен, перед обществом встала захватывающая перспектива социалистического строительства — в аграрном секторе, охватывавшим почти сто-миллионную крестьянскую массу — основную часть населения советской страны.

Под личным контролем функционера спецслужб Г.Г. Ягоды в апреле 1930 г. крупные партии раскулаченных были направлены на объекты золотодобывающей промышленности. Для работы на золотых приисках Сибири было выделено 2050 семей кулаков, на прииски Дальневосточного края – 2500 семей и 3500 человек – одиночек. В следующем, 1931 г., по неполным данным, ОГПУ направило на золотые прииски в Свердловскую область 1000 семей раскулаченных, в Новосибирскую – 1400 семей, в Хабаровский край – 3300 семей. Таким образом проводилась принудительная миграция населения.

Документы ОГПУ за 1931 г. свидетельствуют не только о переселениях, но о массовой гибели высланных в *Нарымский край* крестьянских семей [ЦА ФСБ. РФ. Ф.2. Оп.8. Пор.538; 8, с. 370, 375.]. Цену этой акции по отношению к переселенцам, как грандиозной человеческой трагедии, демонстрирует обличительной силы документ – донесение ОГПУ от 22 июня 1931 г. о ходе расселения спецпереселенцев по Нарымскому краю¹. В этом документе представлена картина общего хода проводившейся в апреле – мае 1931 г. операции по массовому выселению кулаков вместе с семьями в двух основных направлениях – Томском и Кето-Чулымском. Необходимо было в тяжелейших условиях при отсутствии транспорта вселить 20 тыс. человек в верховье Васьюгана, Чертолы. На 20 июня было расселено 27 548 семей, в том числе детей до 16 лет – 67 918 человек. В результате по Колпашевской комендатуре – по рекам Оби и Кети с центром в селе Тогур было расселено всего 13 778 человек; по Кетской комендатуре – по реке Кеть до деревни Востоко-Ярское с центром в селе Широково – 19 680 человек; по Парабельской комендатуре – по реке Парабели до реки Чузика – 23 573 человека; по Нижне-Васьюганской комендатуре – по реке Васьюган до Усть-Чикапки и реке Чикапке до Юрт-Еремино – 23 000 человек; по Средне-Васьюганской комендатуре – по реке Васьюган от Усть-Чикапки до Айпалово включительно и реке Неролька – 19 000 человек. Чайанская группа расселения – по рекам Чая, Чузику, Бокчару (в Галкинскую, Парбикскую, Тоинскую комендатуры) составляла 38 000 человек.

ОГПУ констатировало, что весь бассейн реки Васьюган, куда выселяли людей, являл собой сплошное заболоченное пространство, покрытое 30 – 35-летними ельниками, хаотически нагроможденным непроходимым буреломом. Мест, пригодных к освоению без раскорчевок, которые требовали колоссального труда, практически не было; земледелие и скотоводство были весьма затруднены. В большинстве поселков не было строевого леса: его приходилось рубить и сплавлять на 6 – 10 км от мест расселения. ОГПУ констатировало, что выселенные приехали на необжитые и малопригодные места практически без всего: они не были обеспечены продовольствием, лошади – фуражом.

¹ К сожалению, проблема принудительных переселений русских в научных исследованиях представлена главным образом мимоходом. В этом плане ученые Дона и Северного Кавказа внесли заметный вклад в изучение рассматриваемого периода, однако, обобщающие труды по этой сложной проблеме отсутствуют. Это порождает разного рода неверные суждения, что якобы этими процессами были охвачены только представители других национальностей. Приводимый по этой проблеме фактический материал показывает, что русские в этом направлении в ходе осуществления мер национальной политики значительно пополняли контингент спецпереселенцев в масштабе страны.

В период выселения в пути умерло около 500 человек детей и стариков, преимущественно на почве желудочных заболеваний. Помимо желудочных заболеваний, люди заболели корью, а в Колпашево было обнаружено три случая оспы. Смертность на отдельных участках, преимущественно детей, была от 10 до 35 человек в сутки. Ориентировочная цифра смертности исчислялась в тысячу человек.

Общий «контингент» высылаемых кулацких семей в 1931 г. только в Казахстан составил 150 тыс. семей, их рассредоточили в районах бывших Акмолинского и Каркаралинского округов для работы в угольных шахтах, медном и железорудном деле, железнодорожном строительстве [1, с. 66, 67].

Единое мнение историков о людских потерях среди спецпереселенцев – русских до сих пор не существует [2, с.76 -78].

Раскулачивание, насильственная коллективизация и последующее разорение колхозного хозяйства государственными заготовками и налогами привели к гибели значительной части русского крестьянства, к разрушению вековых аграрных традиций. Разрушенный аграрный сектор экономики из ведущего донора индустриализации СССР, превратился в тормоз на пути социально-экономического развития страны. В 1930 – 1934 гг. государственные заготовки зерна буквально опустошали недавно образовавшиеся колхозы.

Одновременно «Лубянка» в 1925 г. констатировала такое грозное явление, имевшее место, как усиление классовой борьбы в деревне и «движение кулацкого террора», которое оставалось значительным. Как признавал Сталин и другие лидеры, опасность была в крестьянском восстании, то есть в потере социальной базы в деревне, в новой гражданской войне. Поэтому власть вынуждена была реагировать на эти факты, нередко прибегая к насильственным методам военно-коммунистического типа: арестам наиболее активных крестьян, конфискации имущества, отказам в отсрочке выплат налогов, в кредитовании, ограничении «назначенчества» и, в конечном счете, начала политику насильственной коллективизации.

В деревне Каргино Красноярского у. (Енисейская губ.) после доклада одного из членов РИКа о необходимости уплаты сельхозналога в срок бывший красный партизан-бедняк в своем выступлении заявлял, что советская власть снимает с крестьян последние кальсоны, что теперь не жизнь, а каторга, что налогу на нищих определили в сумме по 15 руб., а хлеб принимают по 30 коп. Когда член РИКа пригрозил бедняку составлением протокола, то все собрание, как один человек, поднялось и стало кричать: «Устами красного партизана мы все говорим, мы тоже воевали против Колчака и думали завоевать себе равенство, а теперь получается, что одни жиреют, а мы босые и голые» [ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 754. Лл. 35-36. Заверенная копия].

В 1924 г. антисоветские крестьянские выступления против налоговой политики власти, отмечались в Псковской, Вологодской, Витебской, Иваново-Вознесенской, Вятской, Иркутской, Царицынской, Ярославской губерниях, а также в Кубано-Черноморской области, Карачаево-Черкесской и Чеченской автономных областях, Крыму и Самаркандской губернии. За эти выступления власть обрушивала на крестьян репрессии, конфискации имущества, массовые аресты.

Документы «Лубянки», относящиеся к 1929–1931 годам – периоду формирования авторитарной системы в стране, свидетельствуют о том, что протестовавших в СССР, по терминологии ОГПУ, были «многочисленные толпы». Вывод ОГПУ очевиден: значительная часть протестных акций в стране носила именно политический характер, свидетельствуя о далеко еще не закончившихся процессах гражданской войны.

По данным 2-го Отделения Особого Отдела ОГПУ в 1930 г. по 13-ти районам СССР было зафиксировано от 60 до 68 восстаний с количеством участников восстаний – 63 845 человек. Восстаниями было охвачено 1292 населенных пункта. Было изъято огнестрельного оружия – 16 771 единица. По продолжительности наибольшими были восстания в Казахстане – 346 суток, по СКК – 302 и в Восточной Сибири – 188 [ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 82. Л. 10; Ф. 1. Оп. 3. Д. 187. Л. 22, 27; . Ф. 1. Оп. 5. Д. 157. Л. 70; Ф. 2. Оп. 2. Д. 31. Л. 5, 6.; РГАСПИ. Фонд 323. Оп.2. Л. 229]. Лозунги в вооруженных выступлениях в 1930 г. были следующими: против колхозов, раскулачивания и арестов кулаков, против хлебазаготовительного налога; за восстановление монархии, за свержение советской власти, за крестьянские союзы, за свободу торговли и частную собственность, за демократию, за волю, землю, за Советы без коммунистов, националистические, автономистские, против пятилетки, за отмену деления на классы, против «диктатуры партии» и др.

К началу 1931 г. уровень коллективизации в СССР уже достиг 26,4% от всех бедняцко-средняцких хозяйств, объективно шел мощный прилив единоличного крестьянства в колхозы. Процент коллективизированных хозяйств по СССР составлял: на 1 февраля – 29,4%; 1 марта – 35,6; 1 апреля – 42,0; 1 мая – 48,7; 1 июня – 52,7; 1 июля – 55,1; 1 августа – 57,9; 1 сентября – 59,9; 1 октября – 61,0; 1 ноября – 61,9%, 1 декабря – 62,4.

В период весенней посевной кампании 1931 г. была завершена сплошная коллективизация в основных зерновых районах, а к 1 июня 1931 г. колхозный сектор по всей стране абсолютно превысил единоличный сектор сельского хозяйства, а к концу года вплотную подошел к уровню сплошной коллективизации также и в районах, культивировавших специальные культуры. На базе

сплошной коллективизации руководство страны констатировало факт «ликвидации кулачества как класса» в важнейших зерновых районах Союза. Кулацкие хозяйства оказались политически и экономически разгромленными практически по всей стране.

«...В Челнинском кантоне отмечались слухи об устройстве Варфоломеевской ночи над русскими»

Что касается **межэтнических отношений внутри советского социума**, и особенно преобладающей его русской части и представителями других народов, то ОГПУ фиксировало значительное число проявлений настроений недовольства и земельно-водных распрей, нередко приобретающих жесткий характер. К примеру, в Татарии вызывало недовольство неравномерное распределение налоговых повинностей между татарами и русскими, а также право на землепользование; русское казачество стремилось к выделению из Казахстана и присоединению к Сибири; сибирское трудовое казачество требовало автономии по примеру Донского и Терского казачества. Настроение русского казачества сводилось также к стремлению организовать самостоятельные казачьи административные единицы или переселиться в другие районы, в частности, в Сибирь и на Дон.

В Обзоре политического состояния СССР за март 1925 г. зафиксировано, что по Северному Кавказу борьба казаков и иногородних из-за земли по-прежнему носит обостренный характер. В с. Канеловском Донского округа казаки, настроенные против наделения иногородних земель, говорили: *«Эх, дать бы им землю, как мы давали в 1905 году, так, что валялись везде одни головы».*

ОГПУ обращало внимание на непрекращающиеся споры казаков (киргиз) с русскими. Большинство споров падает на районы, в которых казацкое население переходит к смешанной (скотоводническо-земледельческой) форме хозяйства. Со стороны казаков отмечалось стремление к захвату использовавшихся до сих пор русским крестьянством сенокосов и лугов.

ОГПУ фиксировало, что в Адыгейско-Черкесской обл. русские имели наделы в два раза меньше, чем черкесы. Ввиду этого более мощные хозяйства русских могли расширяться лишь путем аренды земли у «туземцев». В Башкирии одним лишь Михайловским сельским обществом за арендуемую у башкир землю было отдано в прошедшем сезоне, при чрезвычайно низкой арендной плате, 413 баранов. Особенно часто происходили столкновения в Павлодарском уезде Семипалатинской губ. из-за сенокосов по р. Иртыш. Во время одной стычки вооруженные дубинами киргизы избили сторожа, помешавшего потраве русских лугов, и выехавших на место драки члена ВИКа и милиционеров русских (август 1924 г.).

Киргизско-русские отношения особенно были обострены в Уральской и Буковской губерниях, где сильно развитые земельные споры, нередко выливались в вооруженное столкновение. Конфликты также имели причиной пользование рыбными ловлями и лесами. В Башкирии на почве аналогичных споров с башкирским крестьянством было убито два русских крестьянина. Информаторы сообщали, что русское крестьянство, противодействуя землеустроению оседающих кочевников, прибегает к всевозможным мерам, часто губительно отражающимся на хозяйстве «туземцев». Так, в Акмолинской губ. русский поселок запрещал киргизам пользоваться водопоем из близлежащего озера, в результате чего у киргизов Байнеткорской вол. начался падеж скота.

В аналитических обзорах ИНФО ОГПУ делался вывод о наличии тенденции к выселению русских из восточных окраин, в том числе это распространялось по всему Туркестану, Киргизии и отчасти другим районам. Местами в Туркестане в связи с этим отмечались случаи распродажи русским крестьянством своего имущества. В борьбе за землю развивался антагонизм между стремлением русских присвоить арендуемую площадь, с одной стороны, и желанием более или менее поправившихся туземных хозяйств начать самостоятельную обработку своей земли, с другой. Столкновения часто принимали характер настоящих побоев. Так, в Адыгейско-Черкесской обл. на почве заявления черкесов о желании взять обратно сданную в аренду казакам землю, произошла драка, в результате которой было избито 20–30 человек. В Адыгейской обл. в начале отчетного периода назревал серьезный конфликт на почве закрепления за русскими использовавшейся ими земли в черкесском ауле. В *Адыгейско-Черкесской обл.* черкесское население требовало скорейшего выселения русских в связи со слухами о том, что в других автономных республиках русские уже давно выселены. Русское население выражало острое недовольство местной властью и настроено было за включение в Черноморскую обл. В Акмолинской губ. после того, как русские избивали пойманного на своих посевах киргиза, «туземцы» произвели организованное нападение на русское село.

Следует учесть характерные черты расслоения внутри русской деревни. Последние определялись сословным характером группировок русского крестьянства (казачество, переселенцы). Поскольку внутри односословных групп экономическая мощь хозяйства была почти одинаковая, эксплуатация русским кулачеством остальной деревни распространялась, главным образом, на чужесословные или чуженациональные группы. В основном развитие эксплуатации шло по линии роста батрачества.

Специфические условия русской деревни на восточных окраинах (борьба с туземным населением) значительно ослабляли развитие классовой борьбы и

оформление классовой идеологии противоположных социальных слоев в ней. Политически оформившийся кулацкий слой в его чистом виде можно признать лишь в отдельных случаях в местностях, где русское население жило более значительным и изолированным в смысле соприкосновения с туземными массами, что встречалось лишь как исключение.

ОГПУ подмечало, что даже в Татарии, где взаимоотношения между русскими и «туземцами» наиболее урегулированы (конечно, сравнительно), в Челнинском кантоне отмечались слухи об устройстве Варфоломеевской ночи над русскими.

* * *

Вопреки существовавшей власти в стране начали создаваться подпольные организации, в том числе многочисленные русские.

Документы ОГПУ и только лишь одного фонда – фонда Ф.Э. Дзержинского свидетельствуют, что в поле зрения ОГПУ в 1920-е годы находились такие контрреволюционные антисоветские организации, группы и группировки как: «Армия спасения» [РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 359] (в Ленинграде), «Ахмадия» [Д. 353], «Всероссийская организация анархистов подолья» [Д. 14]; «Гнездо» [Д. 359]; «Евразийцы» [Д. 317, 356]; «Заготовитель» [Д. 358]; «Имябожники» [Д. 359], «Иоанниты» [Д. 359]; «Иркутская инициативная группа попов и мирян» [Д. 359]; «Комитет кавказских конфедераций. ККС» [Д. 403] «Комитет помощи заключенным и высланным попам» [Д. 359]; «Комитет освобождения Кавказа» [Д. 359]; «Конкордия» [Д. 317]; «Кооператоры» [Д. 58] «Корреспонденты» [Д. 359]; «Крестьянский союз» [Д. 359]; монархическая организация в Вятке [Д. 359]; «Московская инициативная группа мирян» [Д. 359]; «Народ» [Д. 49]; «Народный союз защиты родины и революции» [Д. 18]; «Национальный центр» [Д. 69,135]; «Нунция» [Д. 317]; «Организация Н.Н.» [Д. 317]; «Радикально-демократическая [группировка]» [Д. 49]; «Ревнителю православия» на Кубани [Д. 359]; «Русский комитет» [Д. 226]; Совет советов г. Серпухова [Д. 1]; «Спаситель» [Д. 359]; «Союз защиты родины и свободы» [Д. 1]; «Союз русского народа» [Д. 63]; «Тактический центр» [Д. 135]; «Трактирщик» [Д. 359]; «Ужас» [Д. 56]; «Христофоровцы» [Д. 359]; «Эвакуационный комитет» [Д. 226]; Аслана [Д. 56]; Баббит-Устинова [Д. 46]; Вольского [Д. 49]; Гакконена [Д. 317]; Дашинского [Д. 226]; Еремича-Рогоули [Д. 394]/ Калиниченко [Д. 56] Павлюнкевичар [Д. 56] Покровского [Д. 359], Сапось-Педь [Д. 56], Сашки Гусева [Д. 56]; Станюкевича [Д. 394]; Старика [Д. 394]; Стаха [Д. 394]; Стешенко [Д. 56]; Федьки Калиныча [Д. 56] Червонца [Д. 56] и др.

В 1930 г. в *Нижне-Волжском крае* были ликвидированы следующие контрреволюционные организации: «*Служащие*» (контрреволюционная повстанческая организация численностью 139 человек, Клетский, Калачевский и Н.-Чирский районы), «*Даниловцы*» (контрреволюционная повстанческая организация численностью 65 человек Даниловский и Ольховский районы); «*Абрамовцы*» (Михайловская контрреволюционная организация с численностью 65 человек, Михайловский и Фроловский районы); «*Дурновцы*» (Дурновская контрреволюционная повстанческая организация, численностью 21 человек, Ново-Анненский район); «*Нововещенцы*» (Кумылженская контрреволюционная повстанческая организация численностью 46 человек, Кумылженский район); «*Хвосты*» (Иловленская контрреволюционная повстанческая организация численностью 64 человека, Кумылженский район); «*Фроловская контрреволюционная повстанческая организация*» (численность 300 человек, Иловлинский, Клетский и Калачевский районы); «*Котельническая контрреволюционная повстанческая организация*» (Фроловский район); «*Вешенцы*» (Кумылженская контрреволюционная повстанческая организация численностью 38 человек Михайловский и Фроловский районы); «*Донцы*» (Пяти-избянская контрреволюционная повстанческая организация Кумылженский район, численность 21 человек); «*Нарна-Герел*» (контрреволюционная повстанческая организация численностью 24 человека Кумылженский район); «*Мало-Дербетская контрреволюционная повстанческая организация*» численностью 47 человек); «*Деятели*» (контрреволюционная национал-шовинистическая организация Калмыкия (центр – Больше-Дербетовский улус).

По *Западно-Сибирскому краю* были выявлены следующие: «Связисты», «Городские повстанцы» «Проходимцы» (численность соответственно 30, 14, 11); «Бывшие командиры», «Проезжие», «Третья сила» (численность соответственно 11, 10, 62); «Русь», «Чужаки», «Неугомонные», «Лесорубы», «Тайга» (численность соответственно 10, 14, 47, 51, 8); «Объединенцы», «Бродячие», Остатки «Кныш», «Активные», «Змеиногорцы», «Союзники» (численность соответственно 65, 23, 13, 6, 13, 24); «Вербовщики», «Алтай», «Освободители», «Старые друзья», «Шестерка», «Исилькуль», «Активисты», «Черлак» (численность соответственно 11,14, 56, 40, 12, 9, 12, 7). «Вояки», «Николаевка», «Зеленые», «Суетка», «Любаровцы», «Наш кружок», «Сброд», «Мартайгинцы», «Учпристань» (численность соответственно 10, 11, 14, 9, 19, 22, 33, 11, 13); «Ржавые пики», «Кольцевцы», «Таскаевцы», «Охотники», «Налетчики», «Чулым», «Русский флаг», «Исилькульцы», «Чупин», «Свободные» (численность соответственно 17, 10, 37, 89, 66, 204, 23, 18, 21, 310); «Твердолобые», «Повстанцы», «Уймон», «Дикари», «Гости», «Печатники», «Полковники», «Алтайцы», «Соседи» (численность соответственно 94, 137, 51, 12, 19, 13, 16, 46, 107). Итого 2 053 Всего: 54 организации.

По *Дальневосточному краю* только за 1930 г. были ликвидированы: «Контрреволюционная организация Сараева», «Союз за Новую Россию», «Русский Национальный Союз», «Лебеди», «Повстанцы», «Солончики» и др.

Среди важнейших контрреволюционных повстанческих организаций, ликвидированных *на территории Урала* за 1930 г., были; «Торопятся», «Догоняют», «Вестовые», «Побочные», «Жуки», «Обиженные», «Новые», «Босые» (всего действовали в 58 населенных пунктах численностью 118 человек).

Нелояльность русской части советского социума проявлялось в создании прорусских нелегальных организаций. Так, в Краснодаре действовал Комитет «Свободной Русской России» (г. Краснодар), «Кубанская группа левых эсеров» (г. Краснодар), группировка «Пахарь» (Владивостокский округ), «Петербургская группа анархов» (Ленинград), «Петербургская группа анархистов-социалистов» (Ленинград), «Северная федерация анархистов» (Ленинград), «Демократическая группа молодежи» (Ленинград), «Монархическая секта Михаила Архангела» (г. Тульчин), «Амурский комитет» (Дальневосточный край), «Новгород-Северская организация фашистов» (г. Новгород-Северский), «Комитет спасения Родины» (Сальский округ), «Общество подпольных работников и участников партизанской войны» (г. Благовещенск), нелегальная группа по созданию Всероссийского крестьянского союза (Москва).

В документах ОГПУ сохранились агентурные дела на подобные организации с кратким их содержанием (табл. 1)

Таблица 1

Агентурные дела организаций (краткое содержание)

Агентурное дело	Краткое содержание дела
«Кануники»	Контрреволюционная кулацко-белогвардейско-поповская повстанческая организация, охватившая Сорочинский и Покровский районы Средне-Волжского Края. Организация охватила своим влиянием свыше 500 человек, из коих привлечено к ответственности 285 человек.
«Линейные»	Контрреволюционная кулацко-белогвардейско-казачья повстанческая организация, охватившая собою казачьи станицы Соль-Илецкого и Илекского районов С.-В. Края. Организация подготавливала вооруженное восстание в ряде казачьих станиц. По делу привлечено к ответственности 157 человек.

<p>«Смелые»</p>	<p>Контрреволюционная кулацко-белогвардейская повстанческая организация, которая объединяла казачество и кулацкие верхушки крестьянских (мужицких) поселков. Организация охватила Илекский, Сорочинский и Покровский районы Средне-Волжского края, подготавливая вооруженное восстание на осень 1930 года.</p>
<p>«Волы»</p>	<p>Контрреволюционная кулацко-белогвардейско-офицерская повстанческая организация, основным ядром, каковой являлось бывшее белое офицерство. Организация охватила своим влиянием г. Оренбург и ряд станиц Орского и Оренбургского районов. По делу привлечено к ответственности 55 человек.</p>
<p>«Красный Газ»</p>	<p>Контрреволюционная кулацко-белогвардейско-казачья повстанческая организация, охватившая собою г. Оренбург, Оренбургский, Соль-Илецкий и Илекский районы С.В. Края. Организация подготавливала вооруженное восстание на весну 1930 г. и проводила интенсивную работу по сколачиванию контрреволюционных сил среди Оренбургского казачества. По делу привлечено к ответственности 246 человек.</p>
<p>«Конспираторы»</p>	<p>Контрреволюционная офицерско-кулацкая повстанческая организация, охватившая собою гг. Самару, Сызрань и ряд сел указанных округов. Организация проводила большую контрреволюционную работу в среде бывших людей, подбирала кадры и подготавливала восстание. По делу привлечено к ответственности 34 человека.</p>
<p>«Сибиряки-треугольники»</p>	<p>Контрреволюционная кулацко-офицерская повстанческая организация, охватившая собою ряд поселков Сызранского и Ново-Спасского районов Средне-Волжского края. Организация проводила большую контрреволюционную работу и занималась вредительством в сельском и лесном хозяйстве. По делу привлечено к ответственности 69 человек.</p>
<p>Контрреволюционная повстанческая диверсионная организация</p>	<p>Контрреволюционная повстанческо-диверсионная организация, охватывала ряд крупных сел в районе Красного Сызранского железнодорожного моста через р. Волгу и крупных воензаводов г. Чапаевска, ставила целью объединить кулачество и контрреволюционный элемент с целью поднятия вооруженного восстания и взрыва воензаводов и ж.д. полотна. По делу привлечено к ответственности 21 человек.</p>
<p>Контрреволюционная шпионская организация</p>	<p>Контрреволюционная немецкая и шпионская организация на Поволжье, охватившая своим влиянием ряд городов и немецких колоний в районах Поволжья. Организация проводила широкую националистическую контрреволюционную работу среди немцев, используя для этого немецкую церковь. Одновременно проводилась шпионская работа по собиранию сведений военного, экономического и политического характера. По делу привлечено к ответственности 17 человек.</p>

Документы «Лубянки» свидетельствуют также и о том, что ни о каком диалоге протестовавших слоев населения с властью речи не шло, и не могло идти, и инакомыслие в стране было задавлено главным образом применением силовых методов.

Отношение к новой советской власти и ее руководителям разъединяли русский социум Исследованные донесения, сообщения, оперативные, специальные сводки во власть от органов ОГПУ свидетельствуют о значительных противоречиях в менталитете русских и других народов в отношении новой власти и ее руководителей.

Так, например, часть населения оплакивала уход из жизни Ленина и требовала упоминать имя Ленина в церквах и креститься на его портреты, желая ему царство небесное» (Смоленская губ. 1924 г.).

ОГПУ сообщало (1924 г.): *Масса слухов, распространенных в деревне, сводится к тому, что Ленина «отравили за то, что он защищал крестьянство» (Московская, Костромская губернии); выражается беспокойство, что у власти станут евреи, и положение крестьянства со смертью Ленина ухудшится».*

Также было зафиксировано: *«При проведении вечеров, посвященных кончине тов. Ленина, отмечены следующие ненормальности. В с. Шурки Красногорской вол. Клинцовского у. по докладу «Год без Ленина» зажиточными крестьянами задавалось много вопросов не по существу доклада, а сводившихся, главным образом, к вопросу «почему рабочие живут хорошо, а крестьяне плохо». В с. Старые Боровичи Новозыбковской вол. при проведении ленинской недели были выступления, в коих сравнивалось сделанное Керенским и тов. Лениным. Спрашивали, куда делись изъятые церковные ценности, почему коммунисты из них ничего не сделали. В с. Кропивном Чуровичской вол. Новозыбковского у. по такому же докладу выступивший гражданин критиковал учение тов. Ленина, и когда ему было указано на несовместимость его выступления в этот момент, то он указал, что Иисус Христос был еще лучшим коммунистом, чем тов. Ленин, а его коммунисты критикуют, так что и тов. Ленина можно критиковать. Затем выступил другой гражданин и говорил, что за 7 лет существования советской власти крестьяне от нее, кроме налогов, ничего не видели, крестьяне живут рабами у рабочих, рабочие живут хорошо, работают 8 час. в день, а 16 гуляют, от своего труда ничего государству не дают, едят белый хлеб, чай пьют».*

Актуализировались в документах и такие суждения: *«Вот до чего довел нашу страну Ленин, это самый есть враг России, но скоро прибудет крах на всех, а вы, коммунисты, и вы, комсомольцы, обдумайте хорошенько, что вы делаете и куда стремитесь. Я тоже был в партии, но я разобрал, к чему мы приведем страну, если так продолжать. Этому всему конец. Да здравствует свободная Россия, да здравствует Учредительное собрание и право народа, а не вас угнетателей»* [ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 754. Л. 30-34. Заверенная копия].

Достаточно часто людей заставляли менять свои взгляды с помощью силовых методов. Характерным примером могут являться факты закрытия властями церквей. А на защиту храма и батюшки выступали православные люди, но им пришлось сдать при применении милицейскими отрядами вооруженной силы.

Присущую русскому социуму монархическую ментальность руководство ОГПУ рассматривало как опасную для Советской власти

***Работа монархистов внутри страны:
распространение листовок, обращений, слухов***

Монархия в России являлась, по выражению русского мыслителя К.Н. Леонтьева, «регулирующей и примиряющей общественной силой». Народные высказывания о монархии зорко отслеживались органами ВЧК-ГПУ-ОГПУ и докладывались в соответствующие органы власти. Память о монархии хранили и русские монархические организации, еще сохранявшиеся как в СССР, так и ушедшие за рубеж. Их деятельность также контролировалась органами советской госбезопасности. Спецслужбы пристально следили за деятельностью русских монархистов, которая с разной степенью временной активности вспыхивала в различных районах страны, преимущественно на территориях проживания русского населения, а также казачества.

ГПУ сообщало в Центр о том, что в марте 1922 г. работа монархистов выражалась главным образом в распространении листовок и прокламаций «**Союза русского народа**»; были отмечены многочисленные случаи, когда эти листовки и прокламации зачитывались крестьянами на сходах и собраниях. Сообщения с мест свидетельствовали о стремлении монархистов добиться своего влияния в приходских советах. ОГПУ отмечало факт роста монархических групп в Сибири, которые состояли преимущественно из офицеров, духовенства и кулачества и подготавливали восстание.

По данным ОГПУ, только за январь 1923 г. на Московском почтамте было задержано 9299 газет и журналов и 369 листовок монархического содержания. В 1925 г. ОГПУ фиксировало продолжающийся поток монархических изданий внутри СССР. с воззваниями контрреволюционного и монархического характера из-за границы, в частности, из Бельгии и Америки, а также Франции, Румынии, Польши. В большом количестве направлялся монархический журнал «Старое время»; т.н. «рескрипт» Марии Федоровны и Николая Николаевича; вырезки из русских зарубежных газет с сообщениями, дискредитировавшие руководителей советской власти.

Органами ОГПУ были задержаны пересылавшиеся воззвания Николая Николаевича «Дорогие соотечественники» (Самарская, Брянская, Калужская, Архангельская, Саратовская губернии). В Пензенской губ. среди крестьян распространялись старые издания «Союза Михаила Архангела», в Красноярске — издаваемая в Харбине монархическая газета «Свет» и в Нижнем Новгороде — листовка Кирилла Владимировича «Российское воинство и русский народ».

Чекистам удалось пресечь деятельность монархической организации в Крыму, ориентированной на Николая Николаевича и включавшей в состав кулаков, бывших унтер-офицеров и уголовных бандитов.

ГПУ фиксировало также, что в Орловской, Костромской губерниях отмечается антисоветская деятельность бывших членов «Союза русского народа» (СРН). В Костромской губ. ими велась агитация среди русского крестьянства. Большой интерес в этих группах вызывали «партдискуссии и фашистское движение за границей».

Группировки монархистов, руководившиеся из-за границы, были выявлены в разных местах Кубанской обл.; задержаны монархистские листовки из изб-читален Смоленской губ; монархическая литература распространялась в Приморье на Дальнем Востоке, также по избам-читальням в Смоленской губернии.

Сохранилась докладная записка секретного и информационного отделов ОГПУ о политическом состоянии СССР от 17 февраля 1925 г., в которой содержится следующая характеристика монархических настроений:

«Работа этих монархических организаций в достаточной мере оживлена и сводится к созданию связи информационного характера между зарубежной организацией и соответствующими прослойками внутри СССР и, одновременно с этим, к печатной пропаганде своих идей при помощи рассылки значительного количества монархических листовок и газет в самые отдалённые углы Союза. Частично эти листочки попадают в деревню, вызывая оживленные толки среди крестьян.

Эта работа встречает нужную почву как в обломках кругов чиновничества, помещиков, духовенства, бывших белых офицеров, так и в среде антисоветски настроенного и главным образом кулацкого крестьянства. Для монархической агитации используется тяжелое положение крестьянина, сравнительная обеспеченность рабочего, недостатки нашей налоговой, лимитной политики и пр. На этой почве крестьянство довольно легко поддается подобной пропаганде, и в результате мы имеем проявления повышенного интереса к монархическому движению, которые конкретно выражаются в распространении монархических листовок (рукописных), в распускании всевозможных слухов о формировании ар-

мии Николая Николаевича или Кирилла Владимировича, в хулиганских выпадах монархического характера, вплоть до вывешивания **трехцветных флагов**, и, наконец, даже в использовании обзоров печати советских газет, в которых имеются сообщения о монархистах, в качестве агитационной литературы. Распространению идеи крестьянского союза мы обязаны в значительной степени и работе монархических организаций, низовые группы которых прикрывают свою работу под флагом защиты крестьянских интересов при помощи крестьянских союзов.

В отношении организационном монархические организации стремятся к созданию внутри нашего Союза, по мере возможности, в каждом уезде строго законспирированных троек и пятерок, которые должны взять на себя в нужный момент дезорганизацию советской власти при помощи террора, который признается всеми монархическими течениями. Эти тройки фактически должны рассматриваться как филиал **эмигрантских фашистских организаций**. В частности, террористические тенденции усваиваются не только определенными слоями крестьянства, но и интеллигенцией. Это подтверждается фактом существования ряда ныне ликвидированных террористических организаций – «Ордена русских фашистов», гнездившегося в среде Всероссийского союза поэтов, организации бывших офицеров под руководством Гвоздева, «Союза национального возрождения», Русской национальной демократической партии (в которой, между прочим, преобладали студенты) и пр., выдвигавшими планы террористической борьбы».

Анализ документов спецслужб свидетельствует о том, что, несмотря на активизацию с разной степенью и в разное время монархической деятельности внутри страны, все же основное поле ее деятельности в советское время не находилось внутри советской страны, а переместилось и развертывалось за рубежом. Однако зарубежная деятельность русского монархического движения сопровождалась жестким расколом внутри существовавших центров и организаций, что в конечном счете отражалось на тщетность выполнения главной цели – восстановлении монархии в России.

Оживление заграничных монархических групп

ОГПУ сообщало в Центр, что в январе 1922 г. в Висбадене (Германия) состоялся съезд виднейших монархистов (с присутствием Коковцева, Урусова, Гучкова), где было решено представить Пуанкаре меморандум от лица всей объединенной русской эмиграции, вплоть до эсеров включительно, с протестом против участия Советской России в Генуэзской конференции¹.

¹ На время конференции было признано необходимым присутствие в Генуе крупнейших монархических деятелей.

Оживление заграничных монархических групп произошло также в связи с открытием при французском Министерстве иностранных дел русского отдела во главе с бывшим русским послом Палеологом. Активизировалась германская группа монархистов и при поддержке Стиннеса при его фирме был *создан специальный русский отдел* по вопросам политического и экономического характера во главе с бывшим виленским прокурором монархистом Аккерманом.

По всей Германии были организованы русские контрразведывательные монархические ячейки, которые по преимуществу субсидировались германским генеральным штабом, а также русскими и германскими монархическими кругами. ГПУ обращало внимание на факт перемены тактики действий германо-русских монархических групп, связанных с тем, что надежды на скорую реставрацию монархии в Германии не оправдывались, а потому *монархистами решено было центром внимания сделать Россию.*

Вместе с тем, ГПУ обращало внимание на то, что существенный урон для деятельности монархистов был нанесен фактом раскола между группой видных деятелей русской эмиграции – Маркова и Ефимовского на почве выставления советом в качестве кандидата на русский престол великого князя Кирилла Владимировича. Созванный по инициативе Маркова совет старейшин лишь усилил разногласия между группами. В противоположность легитимизму совета, выставлявшего законным претендентом князя Кирилла, левая группа монархистов, напротив, считала необходимым *проведение всенародных выборов царя*, для чего они настаивали на политике сближения с крестьянством, на установлении «подлинной демократии», без которой монархия в России после опыта социалистической революции, по их мнению, была бы невозможна.

ГПУ с тревогой сообщало во власть, что усиленным темпом идет подготовка к весеннему наступлению монархистов по всему фронту от Финляндии до Черного моря и что во главе армии предполагалось поставить великого князя Николая Николаевича. В Болгарии шла работа по формированию антибольшевистской армии, субсидировавшейся американцами (обещавшими в случае выбора «популярного вождя» неограниченную финансовую поддержку). В связи с этим проектировалось создание полков из уроженцев Кубани и других местностей России. Группы снабжались сельскохозяйственными орудиями и направлялись под видом «раскаявшихся врангелевцев» в Советскую Россию. Одновременно была послана делегация к бывшему великому князю Борису с просьбой поддержать движение. В Константинополе был образован союз «монархистов-террористов» под эгидой священника Востокова.

В Праге работал возникший в 1921 г. Союз освобождения казачества, а также группа Бенги, а в Константинополе вновь организовалось монархическое объединение им. Козьмы Минина.

Среди дальневосточных монархистов, а также в монархических группах, разбросанных по территории Китая, царила растерянность в связи с уходом атамана Семенова со всеми денежными суммами монархистов.

ГПУ отмечало, что Марков и его сторонники учитывают огромную роль, которую *играет антисемитизм*, объясняя, что «нет недостатка в погромных элементах, ставящих антисемитизм наравне с монархизмом».

Среди монархистов информационная служба ГПУ отмечала два основных течения по вопросу об интервенции против Советской России. Одно из них было франкофильское во главе с Треповым, руководителем монархистов в Париже, заручившееся «материальной и духовной» поддержкой со стороны Франции и считавшее необходимым возможно скорее начать вооруженную борьбу с Советской Россией. Пуанкаре согласился с известным планом интервенции в России при участии врангелевской и румынской армий.

По свидетельству документов ГПУ, каждое из этих течений аргументировало свои положения. Так, «Берлинская группа», считала, что лишь монархическая Германия может уничтожить большевизм в России, но за это Россия требует пересмотра Версальского договора, экономического разрушения Польши и предоставит Германии определенные экономические выгоды в России. Высший монархический совет в Берлине считал восстановление монархии в Германии делом ближайшего времени и не считал нужным сменить «...выжидательную политику на немедленную военную интервенцию в Советскую Россию».

ИНФО обращало также внимание еще на две значительные организации монархистов, как-то: крупная по количеству членов (1500 человек) организация, возглавляемая Русским комитетом в Данцигском районе и Русский совет при главнокомандующем русской армией генерале Врангеле.

Русские монархисты в Германии работали в тесном контакте с германскими монархистами. Марков 2-й, указывая на рост монархизма в России, заявлял, что монархисты представлены везде: в Красной армии и заграничных представительствах советской власти, где работали осторожно и обеспечивали себе позиции для будущего. Заявление о росте монархизма подкреплялось цифрами: в 1921 г. в монархическом съезде участвовало 23 организации, в 1922 г. — заявило об участии 120.

Информаторы ГПУ обращали внимание также на большие разногласия в среде монархистов возникавшие по вопросу о деятельности великого князя Кирилла Владимировича, который опубликовал во французских газетах манифест и заявил, что по праву первородства считает себя главой императорского и блюстителем русского престола. Кирилл Владимирович обладал довольно большими связями в монархической среде.

Николай Николаевич, призванный манифестом Кирилла Владимировича к верховенству над всеми российскими армиями (даже в том числе и над Красной армией), вел себя очень осторожно и от активной работы уклонялся. ГПУ объясняло это тем, что он сам хотел занять место Кирилла Владимировича, так как ВМС всегда стремился к тому, чтобы возглавить монархическое движение кем-нибудь

из членов дома Романовых и в качестве наиболее приемлемого кандидата выставился Николай Николаевич.

В среде русской эмиграции пользовалось популярностью крайне монархическое «Братство белого креста», предполагавшее создать новый монархический строй, не имевший дефектов, сваливших монархию в 1917 году.

Информационные документы ГПУ содержат аналитический материал и о проходившем 15–18 сентября 1922 г. в г. Мюнхене международном съезде монархистов, с целью противопоставления «красному» III Интернационалу — Интернационала «белого». О возникновении «белого Интернационала» ГПУ узнало уже в 1921 г. и констатировало, что деятельнейшее участие в организации этого нового монархического международного движения приняли: военно-монархические группы Германии, куда входили пресловутые «Оргеш» с «Консулом», «придворные круги Испании», «Ватикан с его клерикальной партией», французские монархисты и другие, менее значительные монархические организации различных стран. Центром «белого Интернационала» была Германия, а инициатором конгресса в Мюнхене был Шейбнер-Рихтер.

Информаторы Лубянки в 1923 г. констатировали наличие единого национального фронта и о том, что по предложению Франции и настоянию ряда монархических групп Николай Николаевич взял на себя миссию возглавить русское национальное движение в эмиграции. Трения между группами монархистов, однако, далеко не были устранены, констатировало ГПУ.

Однако в 1924 г. международная обстановка резко изменилась – и не в пользу русской эмиграции. Этот год стал годом признания Советского Союза. Дипломатические отношения с СССР установила Франция. Надежды на открытую военную интервенцию против СССР и возвращение на родину при помощи зарубежных держав откладывались на неопределенный срок. Вместе с тем, лидеры российской эмиграции продолжали внимательно следить за процессами внутрипартийной борьбы в СССР, делая ставку на углубление внутривнутрипартийного кризиса как предвестника падения советского режима. Однако в деле сокрушения советского режима слишком разобщенные и слишком амбициозные силы зарубежной монархической эмиграции так и не смогли успешно выполнить ставившиеся ими задачи.

«Долой ленинизм, да здравствует царизм». «не позже пасхи приедет в Россию Николай II с семьей из-за границы»

В русском менталитете сохранялись воспоминания о жизни «при царе» и люди сравнивали царское время и советское. Разговоры преимущественно в среде русского народа явно монархического характера были предметом зоркого внимания чекистов. Документы информационного отдела ВЧК-ОГПУ свидетельствуют о том, что руководство «Лубянки» достаточно подробно сообщало во власть об отношении русских к свергнутой династии Романовых. ОГПУ было обеспокоено

и сообщало об этом во власть, что монархические слухи продолжали активно циркулировать внутри СССР.

В сводке ОГПУ упоминался крестьянин дер. Дегтяное Ряжского у. (Рязанская губ.) распространявший слух, что весь ЦМК СССР выехал из Москвы на Кавказ и больше оттуда не вернется, так как на престол скоро придет Н.Н. Романов и советской власти не будет. Не позже Пасхи приедет в Россию Николай II с семьей из-за границы.

Спецслужбы должны были ответить в своих материалах, какое отношение превалировало прежде всего в русском народе, в различных регионах страны – положительное или, напротив, критическое к свергнутому царскому режиму, царю, членам дома Романовых в целом.

Прежде всего, ОГПУ фиксировало разговоры о скорой войне и приходе Николая Николаевича (1924 г.); о скором вступлении на престол Михаила Романова и соответственно скором падении советской власти (1924 г.); в отдельных храмах пели царский гимн и с грустью вспоминали Николая II.

Настроения эти находили выражение в целом ряде выступлений крестьян на беспартийных конференциях, избирательных собраниях, районных, волостных и уездных съездах Советов и т.д. Основной тон этих выступлений сводился к тому, что власть «обюрократилась», «слишком дорого стоит крестьянству», «власть слишком мало дала полезного крестьянину»: дороги, мосты не чинятся, школы дороги, медпомощь платная и т.д., «налоги слишком велики, значительно выше царских»; «забывшее крестьян и заветы Ленина, нынешнее правительство нами осуждено» (резолуция по докладу «Год без Ильича», принятая общим собранием крестьян в дер. Дубинская Орехово-Зуевского района).

Люди сравнивали жизнь при царе и высказывали разные, порой противоположные суждения.

10 февраля 1927 г. в Самарской губернии (Поволжье), в Мелекесском уезде на отчетном собрании сельсовета в дер. Воскресенке Елановской волости зажиточные выступали со следующими требованиями: «За время существования советской власти нам говорили, что царское правительство нас угнетало, мы с этим соглашались, но, в конце концов, советская власть нас сжала в кулак, прикрываясь ширмой "власть рабочих и крестьян". Власть как будто рабочих и крестьян, а на самом деле у нее есть сынки и пасынки. Сынки — рабочие, а пасынками являемся мы, власть все внимание устремила на рабочих, им все, нам – ничего, нам совершенно невозможно стало жить. 9 лет вас слушаем, но теперь вас слушать больше не приходится, потому что власть совершенно не интересуется крестьянством».

Документы ОГПУ свидетельствуют, что в объединении Северолес Северо-Двинской губернии в Никольском районе (1927 г.), где отмечалось резкое недовольство низкой зарплатой, труженики говорили: *«При царе было работать куда лучше, а при советской власти — хуже»*.

В Сарапульском округе Рябковском районе избиратели высказывались: *«вот так право, кому можно делать собрания, а кому видно нельзя. А разве мы не люди полезные государству. Это не равенство, это хуже царского режима»* (Челябинский округ, Еткульский район).

В обзоре политического состояния СССР за сентябрь 1924 г. в разделе «Недовольство налогом» отмечалось: «Недовольство налогом в настоящее время принимает весьма широкие размеры. Имеются сведения сильнейшего возбуждения крестьян, указывающих, что *царский налог был гораздо легче*. В Тамбовской губернии крестьяне говорят, что «надо идти к власти» и требовать облегчения налогов. В Сибири идет широкая агитация кулачества за отказ от уплаты налога».

Много разговоров среди населения чекисты фиксировали в ходе избирательных кампаний. Одной из популярных тем были разговоры об увеличении налогов в советское время по сравнению с царским временем. Так, на собрании по перевыборам Вонюховского райсовета Костромской губернии в присутствии представителя укома председателем сельсовета — беспартийный крестьянин говорил:

«Царское правительство с нашей деревни раньше собирало государственных сборов 300 руб., земских 300 — всего 600 руб., а советская власть требует единый сельхозналог 2276 руб. 72 коп., да страховки 392 руб. — это на 136 домохозяев обойдется в среднем около 19 руб. сельхозналога и около 3-х рублей страховки, всего — 22 руб.» (1924 г.).

«Ай, коммунисты, здорово озаботились о своем-то содержании» (1924 г.). Крестьяне не довольны тем, что с них, приехавших на базар, «сборщики сейчас же требуют плату за простой на базаре в размере 50 коп. и зачастую приехавший, за отсутствием денег, вынужден уезжать обратно. Крестьяне говорят: *«Что даже при царском режиме не требовали денег до момента продажи товара. Тут душа с телом расстаётся, а сборщик тянет за рукав, неужели Рыков приказал ему драть нас, как курей»* (1924 г.).

Через 10 лет после Октября 1917-го среди крестьян и рабочих можно было в 1927 г. услышать разговоры, в которых все сильнее звучала мысль о том, что при царе многое было лучше: *«если бы сейчас поставили царя, то лучше было бы»*.

В дер. Колесниково Олтушевской волости Вязниковского уезда на отчетном собрании по докладу волостного исполнительного комитета (вик) была внесена резолюция, в которой указывалось: «Велика еще волокита в ВИКе и ЗАГСе, *«налог собирается строже, чем при царском режиме».*

В ходе антисоветской агитации в Первомайский праздник в Брянской губернии бывший эсер и бывший член ВКП(б) на крестьянском собрании заявил: *«В день 1 Мая мы должны требовать, чтобы с нас сельхозналог не брали, а если бы и брали, то поменьше и не со всех. Если бы сейчас поставили царя, то лучше было бы».*

В Нижне-Ундинском ВИКе Тулуновского уезда, Иркутского округа, Сибирь, в августе 1926 г. зажиточный крестьянин в группе собравшихся крестьян говорил: *«Налоги в настоящее время совершенно задушили крестьян. Советская власть не народная власть, а второй Николай. Власти народной нет, а есть лишь шайка какая-то, которая ни с чем не считается и положением крестьянина не интересуется. Пора бы приступить к созданию народной власти».*

Функционеры органов советской власти четко отслеживали персонально людей, которые служили при царском режиме в качестве чиновников, полицейских, бывших дворян, бывших профессоров, бывших офицеров царской армии, то есть лиц «бывших» – имевших чины и должности «при царе». Служба царю ставилась им в упрек и эти лица ни в коем случае не должны были попасть в списки избирателей, им место было только в списках «лишенцев». Так в Карягинском уезде в 1927 г. Ишихлинская сельская избирательная комиссия лишила права голоса бывшего николаевского судью и помощника юзбаши, служившего 5 лет при *царизме*. Если таких лиц включали в избирательные списки, то это квалифицировалось как «ошибки избиркомов» (1927 г.).

22 февраля 1925 г. кулаки деревни Красново Луганского РИКа Черников Дмитрий, Дудников Николай, Дудников Иван и другие вели агитацию, что власть налогами доведет до того, что придется взять дубину и гнать всех приезжающих в шею, что налог — это та же барщина, даже хуже. Ими же указывалось, что *«...советская власть обдирает крестьян хуже, чем Николай. При Николае все эти коммунисты сидели в тюрьмах, им там и место, а никак нельзя этим тюремщикам править государством».* Кулак пос. Ибреси (Батыревский уезд, Чувашия) говорил: *«Скоро будет война, всех коммунистов, комсомольцев и пионеров перережут, и на троне опять будет восседать царь».*

Память о царе сохранялась в листовках, прокламациях, листках, широко распространявшихся среди населения в разных регионах. В одних листовках народная молва вспоминала царя с благодарностью, в других – царский режим сравнивали с новым советским, в-третьих – о царе говорили без сожаления.

Так, 4 января 1927 г. в г. Мелитополе были обнаружены написанные от руки прокламации следующего содержания: *«Всем, всем, всем, русским гражданам. Еще раз призываем к уничтожению творящейся несправедливости. Ведь не так давно русский пролетариат добивался свободы, жертвуя тысячами своих братьев, и он ее добился, но какой свободы. Вместо царей и империалистов — опять кабала нового дворянства — жидов и коммунистов. Чуть русские открыли рот, как они уже в ДОПРе, а там лишены голоса. Где свобода слова, где свобода печати. Она согнута в бараний рог».*

В листовках повстанческого характера использовались главным образом лозунги *антисемитского характера* и антисоветские лозунги, связанные с производственными затруднениями.

По почте в Москве рассылалась листовка в адрес предприятий:

«Всем, всем, всем рабочим, крестьянам, красноармейцам, служащим, интеллигенции. Товарищи, граждане! Последний час пробил. Царствующая самодержавная коммунистическая партия всеми средствами пытается удержать ускользающую власть. Никто никогда так беззащитно не угнетал рабочих и крестьян и не имел наглости прикрывать свое угнетение именем той же рабоче-крестьянской массы. Никто этой власти уже не верит, и все ее ненавидят. Коммунистическая власть — контрреволюционная власть и коммунисты — контрреволюционеры. Задушено всякое право, всякая свобода, сплошное насилие и наглая лож».

25 апреля 1930 г. на собрании рабочих Середской прядильной фабрики (присутствовало 400 человек) выступил рабочий-мюльщик, систематически агитирующий против всех хозяйственных и политических мероприятий, со следующим заявлением:

«У наших товарищей за 13 лет много очень ошибок и недостатков имеется, есть и злоупотребления. При Николае все было, а теперь что стало, следки и то не стало. Неужели коммунисты не могли учесть, что не хватит хлопка, где же у них были головы?! Останавливают фабрику на маевку, будем гулять и получать деньги, а, чтобы остановить на Рождество или Пасху дня по два или по три, рабочие бы согласились и без оплаты, а почему-то товарищам такие праздники мешают. Теперь и церковь, и попы — все стало лишнее и все мешает. Крестьянству от налога дышать нечем: заведешь две-три коровы — считают кулаком, но какой же он кулак, когда наработал собственным трудом? Надо бы сделать так, чтобы крестьянам развязывать руки, а то налоги не дерут только с кошки да с собаки. Раскулачивать тоже не следовало бы».

ОГПУ было озабочено тем, что по международной почте продолжало поступать в ряд губерний значительное число монархических листовок. На Москов-

ском почтамте — до 5000 газет заграничных и эмигрантских групп и 160 воззваний. Было отмечено поступление листовок по почте из Ленинграда в ряд губерний. В своем большинстве листовки исходили от групп Николая Николаевича и содержали такие лозунги:

«Да здравствует объединенное крестьянство, костяк земли русской и фундамент российского государства, *да здравствует великий князь Николай Николаевич*» (листовка «Всем крестьянам» от имени «передовой группы крестьян-фронтовиков»), «Долой каторжный режим ГПУ, дайте свободу слова, мысли, печати», «Дайте землю в собственность крестьянам», «Долой народных вождей, прислужников **III** Интернационала».

В Псковском округе в октябрьские дни были обнаружены две контрреволюционные листовки по вопросу о продзатруднениях. Одна из них заканчивалась словами: «*Дашь царя, свободу и хлеб*».

В с. Щучьем Щученского района, Челябинский округ в 1928 г. у нардома была найдена листовка: «Товарищи, внимание. Вы, товарищи, подлецы и собаки. Вы прохвосты, мошенники, псы, вы грабители, шкуродеры и змеи. Слава богу, то время, что мы и желали, пришло. Долой коммунистов и их антихристский закон и право. Да пришел их царству конец и крах их еретическому праву. *Да здравствует батюшка белый царь*. Да здравствует религия, закон Божий. Да здравствует непобедимое царство. Да здравствует новый мир, веселые годы. Мука стала дешева, мы едим крупчатку — только беднота сталадохнуть с голоду... Хлеб есть, а выдохнете».

17 сентября 1928 г. в с. Отраднo-Ольгинском Григорипольского района, Армавирского округа среди крестьян распространялась прокламация, написанная карандашом на тонкой бумаге. Текст прокламации был следующим: «*Передавай дальше. Товарищи хлеборобы. За 10 лет советская власть причинила вам зла столько, сколько вы не видели за 300 лет царствования дома Романовых. Советская власть душит вас, будет душить и дальше. Все обещания оказались ложью. Она обещала вам землю, а теперь за нее дерут 10 шкур, обещала свободу слова, печати, совести, а вместо этого позажала вам рты, поотрезала языки, религиозных травит, разврат насаживает, выпускает 10000 газет, которые только врут, пугают кулаками, войной и буржуями. Советская власть уничтожила 6 тысяч помещиков и жандармов и посадила вам на шею 5 миллионов oprичников — коммунистов, комсу и других прислужников-паразитов. С вас сдирают налогов в 10-15 раз больше, чем в мирное время, вам обещают коммунисты коммунистический рай в будущем, чтобы теперь с вас больше драть. Советские горлодралы кричат, что помогают бедноте — врут, они грабят зажиточного, разоряют середняка и морят голодом бедняка, их цель — разорить вас, согнать в коммуны, чтобы легче вас заставить работать на новых помещиков — коммунистов. Кре-*

стьяне стонут под игом коммунистов, но не знают, как сбросить это ярмо, грязной метлой вышвырнуть эту коммунистическую нечисть туда, где их товарищи по разбою и грабежу — белогвардейская сволочь».

Во многих разговорах, листовках, слухах, высказывались угрозы в адрес советской власти. Так в «Информационном листке № 1», обнаруженном чекистами, было написано следующее: *«Приказываю всем гражданам хутора Кривого, которые состоят членами Авиахима, МОПРа, ВЛКСМ, ВКП (б) и тому подобных организаций, немедленно выписаться из них, в противном случае будем убивать. Все беспартийные граждане не должны ходить в Нардом вечером, так как мы будем кидать туда бомбы. Никто не должен платить налог и страховку, а кто будет платить, того будем поджигать. Уголрозыск, ГПУ и милиция чтобы на хутор не показывалась, а то ей плохо будет. Ковалю, Абраму Сычу, Мазыным, Ивану-сопляку — беспощадная смерть. Смерть и гибель коммунистам, попам, кулакам, беднякам, царям и пр. Да здравствует террор. Начальник подпольной организации Остриев».*

12 октября 1927 г. в Пирховском районе Псковского округа была обнаружена листовка, брошенная на мостовую базарной площади. Содержание листовки следующее: *«Долой ленинизм, да здравствует царизм. Ура. Даешь царя, свободу и хлеб. Товарищи, довольно, поверили. Будет. Ура».*

В Пермском университете в 1927 г., по сообщению ИНФО ОГПУ, профессор Сырцов, группируя вокруг себя реакционно настроенных профессоров, старался захватить руководящие должности университета, угрожая уйти из вуза, и с согласия членов секции научных работников предполагал на всесоюзном съезде научных работников выступить с требованиями: 1) отменить советский устав высшей школы и *восстановить старый (бывший царский).*

При обсуждении вопроса о крестьянском союзе люди высказывались следующим образом.

На собрании в Тверской губ. 6 мая, в дер. Михайлова Гора, Бежецкого у. и волости выступил крестьянин дер. Гусарово с агитацией за Крестьянский союз:

«Нас большинство — 80% всего населения, а управляет нами кучка рабочих, а все потому, что они организованы, а мы нет. Поэтому они и сидят на нашей шее. Рабочие организованно защищают свои интересы и жмут мужика, надо и нам организовать в крестьянский союз, чтобы и мы могли защищать свои права. Вот придет война, а мы скажем: вы управляли, вы и воюйте. Свергая царя, мы думали, что советская власть будет лучше, а вышло, что никакой разницы между Советами и царем нет». Собрание раскололось пополам — одна половина поддерживала выступавшего, другая от суждений по данному вопросу воздержалась».

Разговоры явно монархического характера слышались в округах и казачьих станицах Северного Кавказа. Крестьяне, выступавшие за необходимость создания Крестьянского союза, высказывались так: *«Советской власти, как и царскому самодержавию, выгодно держать крестьянство неорганизованным и неграмотным. Власть это делает так ловко, что основная масса такого обмана не замечает и не скоро еще заметит. Коммунисты идут против крестьянских союзов и говорят, что если мы дадим крестьянству организоваться, то оно будет из себя представлять океан во время бури, а рабочий класс — лодочку, брошенную на произвол судьбы».*

Среди зажиточных кулак с. Тенькино Юхновского уезда той же губернии выступил на собрании и заявил: *«Нам, крестьянам, жилось лучше при царизме, так как советская власть, хотя и отобрала землю у помещиков, но крестьянам ее не дала, а передала совхозам. Скорей бы война, тогда мы с коммунистами поговорим».*

Наблюдатели ОГПУ сообщали о монархических настроениях казачества: *«С войной реакционное казачество связывает надежду на восстановление былых казачьих привилегий («сами пойдём, сыновей возьмём, а казачество отстоим» – Кубанский округ, «долой хохлацкую власть, да здравствует казачество» – Армавирский округ). Реакционное казачество открыто распевает монархические казачьи песни, призывая кулаков встать «на защиту царя» (Армавирский и другие округа).*

В Армавирском округе среди казачества станицы Урупской, в связи со слухами о войне, отмечалось усиление казачье-патриотических тенденций. ОГПУ фиксировало: *«Казачи распевают новые песни, в которых говорится, что раньше они жили хорошо, а теперь казаков бьют и расстреливают, разоряя хозяйство. Казачи вынуждены скрываться в горах, но и там их преследуют. Недавно группа казаков в 6 человек, выехав на Красную улицу станицы Урупской, пропели песню: «царю Николаю и наследнику Алексею от всех казачьих войск привет» и т.д.».*

ОГПУ фиксировало значительный рост религиозных настроений и религиозно-антисоветской активности. Например, во время одного из церковных праздников в церкви было собрано 1200 руб. (СКК). В с. Спас Буйского у. (Костромская губ.) существует религиозно-нравственный кружок, руководимый бывшим монахом. В состав этого кружка входят 24 человека, из них 5 человек детей в возрасте от 10 до 12 лет. В ст. Дурновской Хоперского округа приехавшего в станицу митрополита Константина Сталинградского крестьяне встречали с хлебом и солью, причем два казака вышли в полной казачьей форме с орденами, погонами и саблями. У церкви была прибита доска с надписью: *«За веру, царя и отечество жизнь свою положивших офицеров и казаков».*

1925 г. Донецкая губерния. В хуторе Таловом Сорокинского района Луганского округа имеется группировка из 15-ти человек — бывшие офицеры и реакционно настроенные казаки, в большинстве — реэмигранты. Центральными фигурами данной группировки являются бывший полковник и бывший член войскового круга. Почти все участники группировки служили в «знаменитых» по зверствам гундоровских частях белой армии. В данное время все участники группировки, за исключением двух-трех человек, занимаются хлебопашеством, распространяют слухи о том, что *Николай Николаевич объявил войну коммунистам и направляет свои войска на Украину*.

В 1927 г. среди казачества распространилась антисоветская агитация в связи со слухами о войне. Среди казачества СКК, Урала и отдельных округов Сибири и ДВК особенно распространена антисоветская агитация вокруг слухов о войне и гибели советской власти. В стц. Тульской зажиточный казак, сын эмигранта, объединив вокруг себя других казаков-«лишенцев», распространял слухи о скором падении советской власти: *«Польская и румынская армии уже готовы и вот-вот грянут на Россию, тогда конец всей этой власти»*. В станице. Днепровской Кубанского округа казак-кулак говорил в кругу станичников: *«Польша начала войну и уже взяли Киев, во главе идет Николай Николаевич»*.

В г. Тургае Актюбинской губернии на квартире крупного бая состоялось собрание баев-аксакалов из рода Кипчак (присутствовали представители трех волостей) по вопросу о наборе киргизской молодежи в Красную армию. Выступавшие высказывались: *«Мы приходим из рода Кипчак, и когда русский царизм пытался взять нас в солдаты, мы все, как один, восставали и тем самым срывали мероприятия русского царизма и добились своего. Вот и теперь советская власть предполагает взять киргизскую молодежь в Красную армию, поэтому все кипчаковцы должны дать единодушный отпор подобным попыткам»*. По окончании совещания все присутствующие совершили «бату» в знак согласия никого из молодежи не отдавать в Красную Армию.

В с. Красноярово Свободненского района антисоветски настроенный зажиточный на глазах у крестьян сорвал со здания сельсовета красный флаг и бросил его в грязь, заявив: *«Этот дом с красным флагом — все равно, что дома с красным фонарем при царе»*.

ОГПУ отследило и настроения населения по поводу уплаты царских долгов. Разговоры были следующими:

«Лубенский округ. В с. Остапье крестьяне по поводу уплаты долгов Франции говорят: *«Нехорошо советская власть сделала, что сама заключала условие на выплату старых царских долгов Франции, а не созвала по этому поводу собрание крестьян, по крайней мере, сельсоветов и РИКов»*.

«Изюмский округ. На общем собрании крестьян сел Поповка и Пески по вопросу о «двухнедельнике сбережений» выступавшие середняки говорили:

«Прежде чем платить долги французам, правительство должно уплатить своим, тем, у кого пропали деньги в кассе, но не таким, у кого пропало по три и больше тысяч, а таким, у которых пропало от 10 до 100 руб., ибо эти деньги накапливались мозолями. Собираются платить каким-то французам — не нужно им платить». Предложение об открытии в селе Песках сберкассы было провалено».

Крестьянин с. Росихи, Барнаульский округ, среди крестьян на базаре говорил: *«Раньше, чем платить долги Франции, необходимо советскому правительству уплатить свои внутренние долги своему русскому народу, тогда только будет доверие к советской власти и тогда только крестьянин опять будет вкладчиком в сберкассы».*

«В пос. Алейской торговец среди крестьян высказывался: «Наше правительство согласилось платить царские долги Франции, наверное, согласится платить и другим государствам лишь только потому, что не их, коммунистов, будет терпеть карман, а рабочего и крестьянина. Надо было бы спросить сначала массу, согласилась ли бы она платить царские долги, ведь сейчас власть народная, а вот почему-то не спросили и такой вопрос они самостоятельно решают».

В 1924 г. кулаки в Костромской губернии распространяли слухи по поводу англо-советского договора о том, что крестьянству придется выплатить *все царские долги*. В 1924 г. в Полтавской губернии кулачество, чтобы парализовать активность незаможников на выборах, распускало слухи о скором возвращении ответственности, об уплате царских долгов иностранным державам и т.п.

В с. Сагуны, Подгоренской волости, Россошанского у., Воронежская губ. середняк говорил: *«Лучше воевать, чем платить царские долги. Почему правительство уступает буржуазии, ведь еще недавно говорили, что долги платить не будем, неужели советская власть боится буржуазии».*

Зажиточный казак станицы Батуринской, Брюховецкого района, Кубанского округа по вопросу о долгах говорил: *«Признаем долги Франции, а потом и Англии. А все это ложится на шею крестьян. Крестьянам такая политика не нравится. Раз сказали, что не будем платить, так и не надо платить. Долги делал царь, пусть он и платит».*

В результате переговоров председателя советской делегации, полпреда СССР во Франции Х.Г. Раковского с французской стороной была вчерне выработана схема ежегодных платежей СССР в сумме 60 млн. золотых франков *по долгам царского правительства*, которыми должны были воспользоваться французские держатели русских ценных бумаг. Предусматривалось предоставление кредитов Советскому Союзу Францией для финансирования развития промышленности, что послужило бы расширению советского рынка для французской экономики.

1 ноября 1927 г. ОГПУ фиксировало факт отрицательного отношения к уплате долгов Франции со стороны середняка из села Дубки, Дубенского района Тульской губернии, который на собрании говорил: *«Если правительство заплатит долги, которые наделал Николай Франции, то придется платить долги и другим государствам и тогда у нас, крестьян, ничего не будет. Признание долгов есть политика, которая проваливает советскую власть»*. Большинство присутствовавших к данному выступлению относилось сочувственно».

В 1928 г. ОГПУ сообщало, что в городах Серпухове, Орехово-Зуеве Московской губернии, Сормово Нижегородской губернии большое количество текстильщиков находилось под влиянием попов, в Москве церковникам удалось при помощи верующих рабочих бывшей Трехгорной мануфактуры провалить решение собрания об отобрании церкви под клуб. Монахини, проживавшие на хуторе бывшего Никитского монастыря (под Москвой, 40 человек), вели работу среди рабочих фабрики «Красная поляна». Для антисоветской агитации церковники использовали обряды культа, читая на них молитвы антисоветского содержания, поминая «заключенных церковников», «невинно осужденных властью», *«расстрелянную царскую семью»* (Москва, Благовещенск, Сталинград, Владивосток).

В докладе ОГПУ (1925 г.) приводились факты из деятельности в ходе перевыборов райсовета Костромской губернии. Беспартийный крестьянин, выступая, задавался вопросом:

«Почему РКП (большевиков), проводя в жизнь заветы и идеи великих вождей Карла Маркса и Владимира Ильича Ленина, проводит их только на словах и на бумаге, а не на деле. Ведь наша РКП(б) является ядром, авангардом и вождем темных рабочих и крестьянских масс чуть ли не всего мира, и вся она вышла из рабоче-крестьянской среды, испытав на себе эксплуатацию капиталистов и помещиков, а, взявши власть в свои руки, превратилась тоже в эксплуататоров, так как работает меньше рабочего и крестьянина, а содержание берет себе слишком солидное, и чем выше пост, тем выше содержание. Проще говоря, партия сильно обюрократилась. Где же те борцы за пролетарскую революцию, которые руководили и дрались с царскими генералами и контрреволюционной бандой, что они молчат и позволяют обюрократиться своим товарищам. К сожалению, я полагаю, большинство их честно пали в бою, а остались, видно, шкурники, и после пения похоронного марша о павших борцах, отстоявших революцию, стали устраиваться потеплее. Товарищи, ведь эта революция далеко не кончилась, иностранная буржуазия может напасть в любое время, надо быть готовым, это вы прекрасно учитываете».

В станице Спокойной (Армавирский округ) в **1925г.** казачеством распространялись слухи о том, что *Николай Николаевич с большой армией двинулся через Румынию в Россию*. По станице Каладжинской расползались слухи, что весной

придет полковник Шкуро для освобождения казачества от ига большевиков. Главными источниками слухов являлись письма эмигрантов.

В пос. Таврическом Антоновской волости Денисовского уезда кулак в 1925г. распространял слух, что Англия, Франция и даже Америка объявили войну Советской России и *президентом должен быть бывший великий князь Николай Николаевич*.

В районе Махорочной фабрики и мельниц в Ярославле в 1925 г. были расклеены монархические листовки в количестве 30 штук с призывом: *«проснуться, стряхнуть насилье и урезать ставки верхушкам, сократить дармоедов, утопающих в удовольствии»*. На общем собрании Союза строителей в г. Покровске (Немреспублика) рабочие по докладу представителя совпрофа говорили, что *«рабочим живется хуже, чем при Николае II, и что фактически разница только в том, что одного тирана сменили на многих»*. Из группы присутствовавших раздался голос: *«Да здравствует Николай II»*.

Среди отдельных крестьян с. Лотовое Щебекинской волости Курской губернии в 1925 г. ОГПУ наблюдало толки о близости войны и разговоры о том, что, когда крестьян вооружат винтовками, они повернут штыки против рабочих и большевиков за то, что на Щебекинский сахзавод наняты рабочие из других губерний. Крестьяне высказывали свое мнение о том, что при бывшем помещике Рыжкове им жилось лучше, потому что *хозяином России был Николай II, «хорошо бы, если и теперь он был»*. По большим деревням, есть организации, и борьба с большевиками будет организована.

ОГПУ сообщало, что в с. Михайловском Ставропольского района группа активных тихоновцев ведет пропаганду против советской власти: *«Советская власть наполовину упала, из Польши идет Николай Николаевич со своей армией и забрал несколько городов. За границей в скором времени будут переговоры, где решится судьба Советской власти, так как царь за границей признан и, если на переговорах будет признан царь, то Советской власти не будет и будут служить в церквах по-старому, будут поминать царя и бывшего патриарха Тихона»*.

В 1925 г. в Чечне среди крестьян станицы Грозненской и слободок циркулировали усиленные слухи о том, что иностранные государства объявили войну России. *С польской границы начал наступление Николай Николаевич с «русскими войсками»* и скоро большевикам конец. Распространяются слухи о скорой мобилизации лошадей. В Галанчожском районе идут слухи, что иностранные войска подходят к Баку и Ростову, города Грозный и Владикавказ укрепляются.

По слухам, распространившимся в *Ойратии*, Майминский аймак, село Александровка, в Кот-Агаче строятся окопы, так как *«бывший царь Николай под фамилией Чжан-Цзолия идет на Россию»*.

ОГПУ обращало внимание на то, что кулачество и антисоветские элементы, не ограничиваясь распространением слухов о войне, ведут вокруг них антисоветскую агитацию в форме слухов о приходе белых, конце советской власти и прямых угроз расправой над коммунистами. Иногда эти слухи связывались с событиями в Китае. Так, в Кирсановском уезде Тамбовской губернии поп распространял слухи о том, что *«недолго осталось вашей власти барствовать, вам властвовать осталось только до весны, а там — крышка»* (кулак, Терский округ). *«Скоро будет война, и тогда начнем бить коммунистов и комсомольцев и резать тех, кто стоит за советскую власть»* (зажиточный, Пермский округ). *«Вот-вот скоро война, коммунистам крышка и взойдет на престол Николай Николаевич»* (Иркутский округ). *«Только бы винтовку получить, тогда забудут, что мы, лишенные права голоса, с оружием, мы знаем, что делать»* (бывший капитан, Иркутский округ). *«Скоро будет переворот, и мы опять будем обрезать уши у коммунистов, как резали в 1922 году»* (бывший партизан, Амурский округ).

* * *

Вывод. Анализ представленных материалов позволяет сделать вывод о том, что собранные в документах спецслужб «наблюдения» об особенностях менталитета русского социума в первые два десятилетия после революции 1917 г. свидетельствуют о наличии таких присущих русским людям традиционных чертах как стремление к справедливости в труде и вознаграждении за него; о требованиях крестьян к равноправному с другими слоями общества положению; о соблюдении прав по закону распоряжаться землей, водой; о неприятии насилия и притеснений от власти.

Проанализированный источник также свидетельствует и о такой во многом идеалистической черте ментальности русского народа как вера в доброго царя и ожидания его прихода из-за рубежа, вместо приверженности и отстаивания на практике идеи национального самосохранения.

Среди современного российского социума, его некоторой части, еще сохранялись идеалистические верования возврата к вековым утраченным ценностям, характерным для поколений русских людей уже ушедшего времени, к которым вернуться просто невозможно в связи с тем, что XXI век заставляет российский социум отвечать на совершенно иные и жесткие гуманитарные мировые вызовы единственным традиционным путем.

Но тем не менее, остаются по-прежнему вполне актуальными заветы мыслителя В.О. Ключевского, утверждавшего то, что прошлое надо постоянно ворошить и допрашивать, чтобы все-таки время от времени извлекать исторические уроки, которые так трудно бывает понять и усвоить.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абылхожин Ж.Б., Козыбаев М.К., Татимов М.Б. Казахстанская трагедия // Вопросы истории. – 1989. – № 7. – С. 65-67.
2. Алексеенко А.Н. Голод начала 30-х годов в Казахстане // Историческая демография: новые подходы, методы, источники. – М., 1992. – С. 76-78.
3. Байрактар Р., Баш Б. Менталитет арабов, персов, турок и славян в теории климата и умрана Ибн Халдуна // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2023. – Т. 15. – № 1. – С. 113-149. DOI: 10.17748/2219-6048-2023-2023-15-1-113 – 149.
4. Барсенков А.С., Вдовин А.И., Корецкий В.А. Русский народ: историческая судьба в XX веке. – М., 1993.
5. Бугай Н.Ф. Русские на Северном Кавказе: социальное положение, трансформации этнической общности (1990-е годы – начало XXI века). – М., 2011. – 337 с.
6. Гонов А.М. Северный Кавказ: актуальные проблемы русского этноса. – Ростов н/Д, 1997.
7. Исрафаилов А.М. Русский народ в преобразованиях ДАССР. – Ростов н/Д., 1991.
8. Касьянов К.А. О русском национальном характере. – М., 1994.
9. «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 годы). В 10-ти т. – М.: Наука, 2001–2008. Т. 4. 1925 г. – М.: Наука, 2002.
10. Русская нация: историческое прошлое и проблемы возрождения. – М., 1995.
11. Русские на Северном Кавказе. – М., 1995.
12. Руткевич М. О судьбах русского этноса // Свободная мысль, XXI век. – 2006. – № 1.
13. Харченков Н. Способны ли русские защитить себя // Кубань сегодня. – 23 июня 2000 г. и др.

REFERENCES

1. Abylkhochin J.B., Kozybaev M.K., Tatimov M.B. Kazakhstan tragedy // Voprosy istorii. - 1989. - № 7. - С. 65-67.
2. Alekseenko A.N. Famine of the early 30s in Kazakhstan // Historical demography: new approaches, methods, sources. - M., 1992. - С. 76-78.

3. Bayraktar R., Bash B. Mentality of Arabs, Persians, Turks and Slavs in Ibn Khaldun's theory of climate and umran // Historical and Social-Educational Thought. - 2023. - Т. 15. - № 1. - С. 113-149. DOI: 10.17748/2219-6048-2023-2023-15-1-113 - 149.
4. Barsenkov A.S., Vdovin A.I., Koretsky V.A. Russian people: historical destiny in the XX century. - М., 1993.
5. Bugai N.F. Russians in the North Caucasus: social status, transformation of ethnic community (1990s - early XXI century). - М., 2011. - 337 с.
6. Gonov A.M. North Caucasus: topical problems of the Russian ethnos. - Rostov n/D, 1997.
7. Israfilov A.M. Russian people in the transformations of the DASSR. - Rostov n/D., 1991.
8. Kasyanov K.A. About the Russian national character. - М., 1994.
9. "Top Secret": Lubyanka to Stalin about the situation in the country (1922-1934). In 10 vols. - М.: Nauka, 2001-2008. Т. 4. 1925 г. - М.: Nauka, 2002.
10. The Russian Nation: Historical Past and Problems of Revival. - М., 1995.
11. Russians in the North Caucasus. - М., 1995.
12. Rutkevich M. On the Fate of the Russian Ethnos // Svobodnaya Mysl, XXI Century. - 2006. - № 1.
13. Kharchenkov N. Are Russians able to defend themselves // Kuban Today. - 23 June 2000, etc.

Информация об авторах: Бугай Николай Федорович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, действительный государственный советник Российской Федерации III класса. Москва, ул. Дм. Ульянова, 19. 117292
Orcid ID: <http://orcid.org/0000-0002-8363-1638>
e-mail: nikolay401@yandex.ru

Бушуева Татьяна Семеновна, кандидат исторических наук, Институт национальной памяти,
г. Москва, Россия
ORCID id: <https://orcid.org/0000-0002-7298-768X>
e-mail: t_bush@mail.ru

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи

Information about the authors: Bugai Nikolay Fedorovich – Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher at the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Acting State Councilor of the Russian Federation of the III class. Ulyanova str., 19, 117292
Moscow, Russia
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8363-1638>
e-mail: nikolay401@yandex.ru

Tatiana S. Bushueva, Candidate of Historical Sciences, Institute of National Memory
Moscow, Russia

ORCID id: <https://orcid.org/0000-0002-7298-768X>

e-mail: t_bush@mail.ru

The authors have read and approved the final manuscript.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted: 04.07.2023

Одобрена после рецензирования и доработки / Approved after reviewing and
revision: 22.07.2023

Принята к публикации / Accepted for publication: 27.08.2023

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов / The authors declare no
conflicts of interests

© Бугай Н.Ф. 2023
© Бушуева Т.С. 2023
© «ИСОМ». 2023